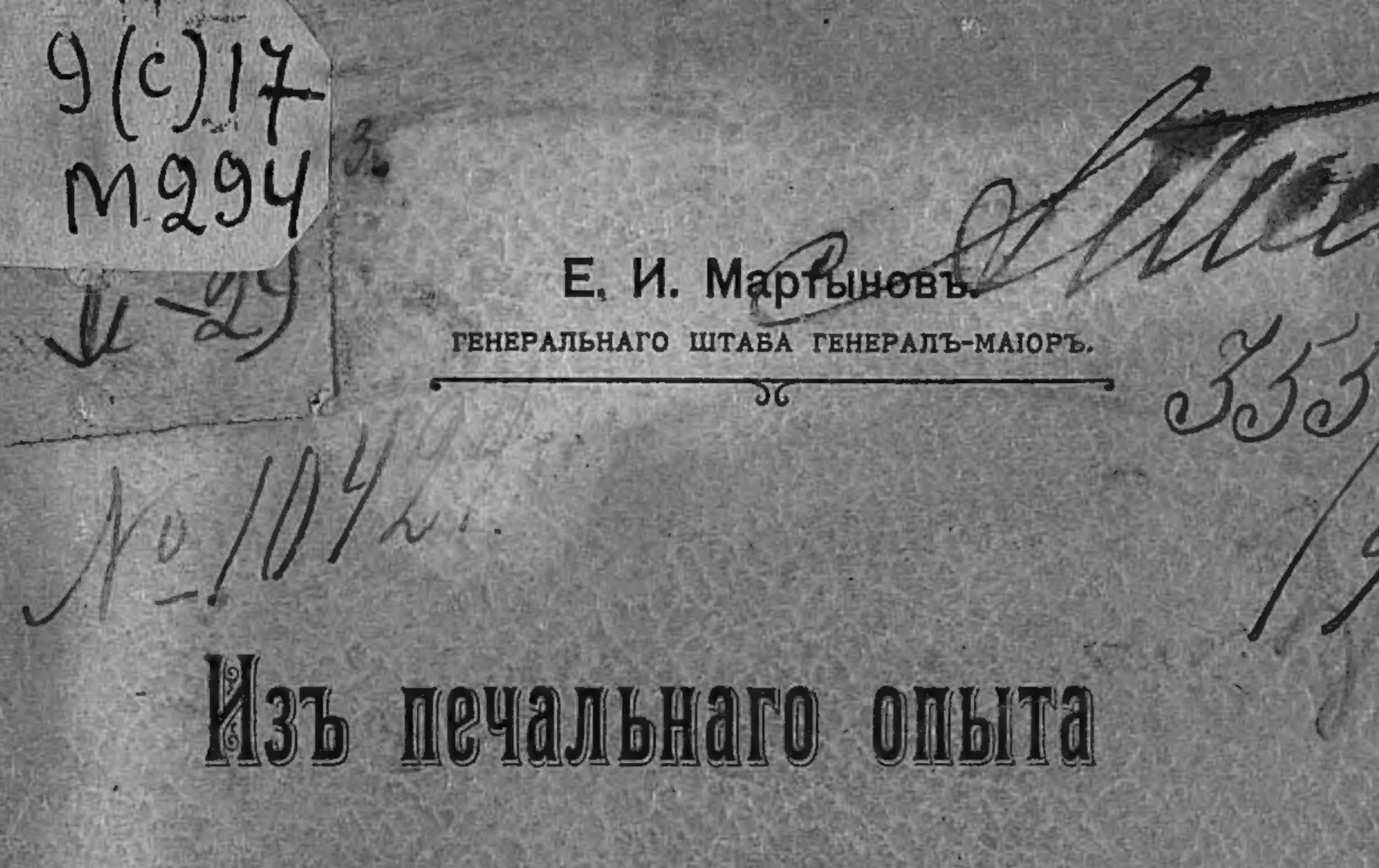
Е. И. Мартыновъ.

Изъ печальнаго опыта Русско-Японской войны

С.-Петербургъ, 1906.

Е. И. Мартыновъ.

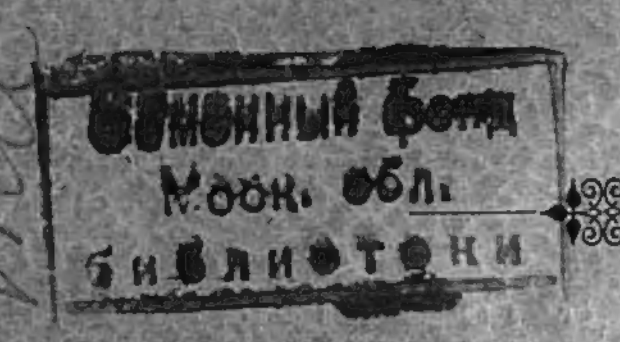
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-МАIОРЪ.

Изъ печальнаго опыта Русско-Японской войны.

„О, Русь! забудь былую славу —
Орелъ двуглавый побѣжденъ
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ“.

Соловьевъ.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).

1906.

Товарищ читатель!

Книга, которую Вы читаете взята из фондов Московской областной библиотеки.

Московская областная библиотека имеет около полумиллиона книг, брошюр и журналов по всем отраслям знания, среди которых немало ценных и редких изданий.

Весь книжный фонд библиотеки предназначен для обслуживания населения области.

Библиографический отдел библиотеки подбирает литературу по темам и дает библиографические справки по интересующим читателей вопросам.

П о л ь з о в а н и е книгами областной библиотеки б е с п л а т н о е.

Срок пользования до 1-го месяца.

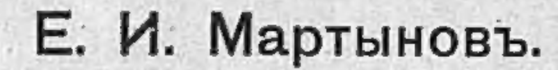
Любую нужную книгу Вы можете выписать через библиотеку, читателем которой Вы состоите.

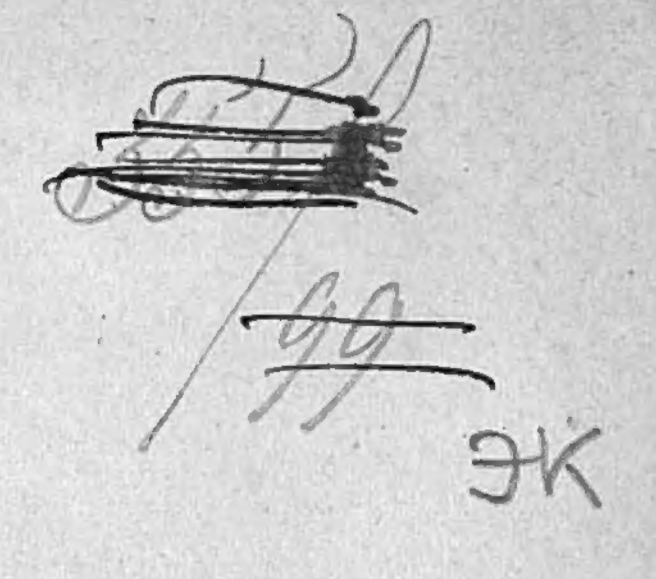
Адрес Московской областной библиотеки: Москва, И—128; городок Моссовета, 2-й проезд дом 1/а.

Московская областная библиотека.

Зак. 2081 Любл. тип: Тир: 50000

Е. И. Мартыновъ.
ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА ГЕНЕРАЛЪ-МАIОРЪ.

Изъ печальнаго опыта Русско-Японской войны.

„О, Русь! забудь былую славу—
Орелъ двуглавый побѣжденъ
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ“.

Соловьевъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Военная Типографія (въ зданіи Главнаго Штаба).
1906.

Предисловіе.

Собранныя здѣсь статьи, затрогивающія въ популярной формѣ важнѣйшіе недостатки нашихъ вооруженныхъ силъ, были напечатаны въ газетахъ: «Молва», «Русь», «Военный Голосъ» и «Русскій Инвалидъ». Изъ нихъ видно, что русская армія нуждается не въ случайныхъ, частичныхъ реформахъ, а въ полномъ систематическомъ преобразованіи, вродѣ того, которое было сдѣлано, въ свое время, Милютинымъ.

По нашему глубокому убѣжденію, такое преобразованіе, при теперешнихъ условіяхъ, возможно лишь съ помощью Государственной Думы, конечно, если послѣдняя явится учрежденіемъ патріотически настроеннымъ, свободнымъ отъ модныхъ утопій. Лица, стоящія во главѣ военнаго управленія, даже при наличности полнаго желанія, не въ силахъ произвести радикальную реформу, потому что при этомъ они натолкнутся на такое противодѣйствіе, съ коимъ справиться

не въ состоянiи. Только независимые представители народа, поддержанные общественнымъ мнѣнiемъ всей страны, могутъ разрушить всѣ препятствiя и расчистить путь для созданiя дѣйствительно стоящей на высотѣ современныхъ требованiй народной армiи.

Задача военнаго писателя, въ настоящее время, заключается въ томъ, чтобы облегчить будущую работу Думы, раскрывая съ полной откровенностью всѣ язвы, разъѣдающiя нашъ военный организмъ. Въ переживаемый Россiей критическiй моментъ корпоративная щепетильность и интересы личной карьеры должны отойти на второй планъ передъ пользой государства.

Е. И. Мартыновъ.

Въ чемъ сила Японіи и слабость Россіи?

(Эта статья была написана въ серединѣ января 1904 г., то-есть за нѣсколько дней до начала войны).

Поговоривъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о вѣчномъ мирѣ и разоруженіи, помечтавъ о братствѣ народовъ и единомъ человѣчествѣ, Россія стоитъ въ настоящее время наканунѣ новой жестокой войны.

Пресловутый третейскій судъ въ Гаагѣ, оказавшійся безсильнымъ предотвратить избіеніе буровъ, варварскую рѣзню на Филиппинахъ, грабежъ беззащитнаго Китая и т. п., оказывается безсильнымъ и на этотъ разъ, такъ что вооруженное столкновеніе Россіи съ Японіей представляется вопросомъ если не завтрашняго дня, то во всякомъ случаѣ самаго близкаго будущаго.

Въ такой серьезный историческій моментъ пресса всего міра занята сравненіемъ силъ обѣихъ сторонъ. Однако одинъ факторъ, чрезвычайно важный по своему моральному

вліянію на армію — *настроеніе общества* — до сихъ поръ еще остался не затронутымъ.

Японскій народъ, во всемъ своемъ составѣ, отъ перваго ученаго до послѣдняго рабочаго, проникнутъ патріотическимъ воодушевленіемъ. Величіе и благосостояніе родины есть завѣтный идеалъ каждаго японца, передъ которымъ отходятъ на второй планъ его личные интересы. Въ Японіи, гдѣ все населеніе грамотно, всѣ ясно сознаютъ, что для дальнѣйшаго какъ политическаго, такъ и экономическаго, развитія страны нужны новыя земли и что эти земли можно пріобрѣсти лишь путемъ завоеванія.

Естественно, что при такомъ настроеніи общества, армія, какъ представительница государственной идеи, какъ главное орудіе для достиженія національныхъ цѣлей, пользуется чрезвычайной популярностью. Уже въ начальной школѣ, при изученіи исторіи, мальчику стараются внушить почтеніе къ военнымъ подвигамъ. Съ кафедры высшихъ учебныхъ заведеній, вмѣсто космополитическихъ утопій, молодежь слышитъ проповѣдь здороваго національнаго эгоизма. Призывъ молодого японца въ солдаты, какъ для него самого, такъ и для его семьи—не огорченіе, а радость. Состоя

на службѣ, онъ на себѣ испытываетъ то уваженіе, которымъ пользуется въ странѣ военный мундиръ. Отличія, пріобрѣтенныя въ рядахъ арміи, высоко цѣнятся и въ гражданской средѣ. Въ память павшихъ въ бою воздвигаются храмы и въ извѣстные дни назначается національный трауръ; ихъ семьи пользуются особеннымъ почетомъ.

Эта атмосфера всеобщей любви и довѣрія, которая еще во время мира окружаетъ японскую армію, должна чрезвычайно возвышать ея духъ въ тяжелые дни войны.

Что же мы видимъ въ Россіи?

Въ то время какъ политика самыхъ культурныхъ государствъ все болѣе и болѣе проникается идеей безпощаднаго эгоизма, а западные университеты (напримѣръ германскіе) являются очагами національнаго духа—въ это время въ полуобразованной Россіи, съ каѳедры, въ литературѣ и въ прессѣ, систематически проводятся взгляды, что націонализмъ есть понятіе отжившее, что патріотизмъ не достоинъ современнаго «интелигента», который долженъ въ равной мѣрѣ любить все человѣчество, что война есть остатокъ варварства, армія—главный тормаз прогресса и т. п.

Изъ университетской среды, изъ литературныхъ круговъ, изъ кабинетовъ редакцій эти идеи, разрушительныя для всякаго государственнаго строя (безразлично самодержавнаго или республиканскаго), распространяются въ широкихъ кругахъ русскаго общества, причемъ каждый тупица, присоединившись къ нимъ, тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ какъ бы патентъ на званіе «передового интелигента».

Логическимъ выводомъ изъ такого міросозерцанія являются полное отрицаніе всякихъ воинскихъ доблестей и презрѣніе къ военной службѣ, какъ къ глупому и вредному занятію.

Дѣло дошло до того, что подобные взгляды проникли даже въ такую тѣсно связанную съ арміей среду, какъ наше помѣстное дворянство. Недавно въ одномъ дворянскомъ собраніи, при обсужденіи вопроса объ открытіи кадетской школы, одинъ дворянинъ заявилъ, что Россія не нуждается болѣе въ «пушечномъ мясѣ», а другой выразилъ нежеланіе давать деньги на воспитаніе «человѣкоубійцъ».

Такое отношеніе образованныхъ классовъ общества къ арміи пока еще не успѣло ис-

портить русскаго солдата, хотя и въ народныя массы начинаетъ уже проникать ядъ «толстовства», но оно оказываетъ очень вредное вліяніе на офицерскую корпорацію. Общественное мнѣніе, въ наше время, представляетъ огромную силу. Въ дѣйствительности оно, а не кто либо другой, даетъ награды и выражаетъ порицаніе, такъ какъ чины и ордена имѣютъ цѣнность лишь по стольку, по скольку они обезпечиваютъ право на уваженіе соотечественниковъ. Изъ сказаннаго ясно, въ какой мѣрѣ описанное настроеніе общества подрываетъ въ офицерахъ желаніе серьезно заниматься своей спеціальностью, насколько оно ослабляетъ въ нихъ боевой духъ, готовность жертвовать собою ради общихъ интересовъ.

Наблюдая это грустное явленіе, невольно приходишь къ выводу, что для своего радикальнаго излеченія, Россія нуждается въ новой тяжелой годинѣ, вродѣ двѣнадцатаго года, дабы наши космополиты на собственныхъ бокахъ испытали практическую приложимость проповѣдуемыхъ ими утопій.

Итакъ, когда пробьетъ часъ рѣшительной борьбы, то японская армія выступитъ въ бой, сопровождаемая восторженными симпатіями

всего своего народа отъ самыхъ высшихъ его слоевъ до низшихъ; за спиною же русской арміи будетъ безучастное, если не прямо враждебное отношеніе нашей «передовой интелигенціи» и всего того, что ей подражаетъ. Вотъ въ чемъ заключается, на нашъ взглядъ, истинная сила Японіи и слабость Россіи.

Изъ печальнаго опыта Русско-Японской войны.

I.

Характерныя черты нашей стратегіи.

Составить полный стратегическій обзоръ Русско-Японской войны въ настоящее время невозможно, такъ какъ планы и дѣйствія японцевъ извѣстны намъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Мы не знаемъ, даже приблизительно, числительности японской арміи: то намъ говорятъ объ огромномъ превосходствѣ ея силъ, то, наоборотъ, утверждаютъ, что подъ Ляояномъ, Шахэ и Мукденомъ она уступала намъ въ числѣ. Въ виду этого я ограничусь лишь изображеніемъ общаго характера нашей стратегіи.

Удаленность театра военныхъ дѣйствій вызывала необходимость заблаговременно, еще въ предвидѣніи войны, сосредоточить тамъ достаточныя силы.

Однако наше правительство не сдѣлало этого: во-первыхъ, оттого, что наперекоръ всему не вѣрило въ близость войны, а во-вторыхъ, потому, что, увлеченное «громкой славой» Гаагской конференціи, желало из-

бѣжать всякаго обвиненія въ агрессивныхъ замыслахъ. По этой причинѣ ко дню открытія военныхъ дѣйствій мы имѣли въ Манджуріи лишь ничтожныя силы. Увеличить ихъ можно было лишь путемъ подвоза изъ Европейской Россіи по единственной одноколейной желѣзной дорогѣ, тянувшейся на десять тысячъ верстъ. Между тѣмъ въ распоряженіи непріятеля были всѣ морскіе пути, такъ какъ нашъ флотъ съ первыхъ же дней войны былъ парализованъ.

Такимъ образомъ Россіи нужно было много времени для того, чтобы сосредоточить на театрѣ войны хоть часть своихъ силъ, Японія же могла ввести въ дѣло всю свою наличную армію.

Отсюда вытекала для русскаго полководца необходимость выиграть время.

На этомъ принципѣ выигрыша времени и былъ основанъ планъ Куропаткина, сущность коего заключалась въ томъ, чтобы не дорожа, никакими географическими пунктами, уклоняться отъ рѣшительнаго сраженія съ противникомъ до тѣхъ поръ, пока изъ Россіи не будетъ подвезено такое количество войскъ, которое обезпечитъ безспорный успѣхъ.

Къ сожалѣнію этотъ вѣрный планъ не былъ проведенъ въ жизнь съ должною послѣдовательностью.

Вмѣсто того, чтобы отходить назадъ, по возможности избѣгая серьезныхъ столкновеній, дабы не дать непріятелю даже иллюзіи успѣха, мы при своемъ преднамѣренномъ отступленіи разыграли рядъ кровопролитныхъ боевъ: Тюренченъ, Вафангоу, Дашичао, Ляньдянсанъ, Ляоянъ и множество мелкихъ. Изъ этихъ боевъ Тюренченъ и Вафангоу были навязаны Куропаткину свыше, остальные же онъ далъ по своей волѣ съ цѣлью использовать, какъ онъ выражался, встрѣчавшіяся на пути позиціи.

Однако войскамъ нельзя было объяснить эту цѣль, онѣ видѣли лишь то, что каждое столкновеніе съ японцами, какъ бы упорно мы ни держались, неизмѣнно оканчивается нашимъ отступленіемъ.

Такимъ образомъ, въ сознаніи войскъ начала постепенно укореняться мысль, что мы не въ состояніи бороться съ японцами. Какъ будто бы нарочно насъ систематически пріучали къ пораженіямъ, а японцевъ къ побѣдамъ. Нужна была вся историческая выносливость русскаго солдата, чтобы въ

теченіе многихъ мѣсяцевъ выдержать такую своеобразную школу. По откровенному признанію находившихся на театрѣ войны иностранныхъ военныхъ агентовъ, всякая другая европейская армія при такихъ условіяхъ уже давно бы разбѣжалась.

Наконецъ въ сентябрѣ 1904 г., подъ Мукденомъ, былъ изданъ знаменитый приказъ: «Пришло для насъ время заставить японцевъ повиноваться нашей волѣ, ибо силы манчжурской арміи нынѣ стали достаточны для перехода въ наступленіе». Однако вся операція свелась къ ряду нерѣшительныхъ маршей и разрозненныхъ боевъ, попрежнему недоведенныхъ до конца, послѣ чего, потерявъ нѣсколько орудій, мы поспѣшно отошли назадъ и едва удержались на линіи рѣки Шахэ. Эти событія пошатнули вѣру въ Куропаткина, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя Сандепу и Мукденъ разсѣяли послѣднія иллюзіи его полководчества.

Разочарованіе было особенно сильно потому, что до тѣхъ поръ вся Россія вѣрила въ Куропаткина, какъ въ главнаго сподвижника легендарнаго «бѣлаго генерала»; русская же армія сверхъ того видѣла въ немъ своего человѣка, вышедшаго изъ трудовой армейской

среды, сдѣлавшаго карьеру подъ пулями, а не въ петербургской канцеляріи или дворцовой прихожей.

И теперь, послѣ тяжелыхъ неудачъ только-что оконченной войны, никто не можетъ отказать Куропаткину: въ природномъ умѣ, дарѣ слова, огромномъ трудолюбіи, разнообразныхъ теоретическихъ и практическихъ познаніяхъ.

Надѣленный этими свойствами, онъ, по всеобщему отзыву, былъ прекраснымъ администраторомъ въ сравнительно узкой сферѣ управленія Закаспійской областью.

Въ должности военнаго министра Куропаткинъ проявилъ знаніе военнаго быта и заботливость объ офицерѣ и солдатѣ, чѣмъ еще болѣе увеличилъ свою популярность въ арміи. Однако, на ряду съ этими достоинствами, онъ уже тогда обнаружилъ крупные недостатки: отсутствіе широкихъ взглядовъ, нужныхъ для государственнаго человѣка, увлеченіе частностями въ ущербъ общему, совершенное неумѣніе выбирать людей и недостатокъ гражданскаго мужества.

На исключительно трудномъ посту главнокомандующаго Манчжурской арміей эти слабыя стороны сказались съ еще большей силой

и къ нимъ присоединился еще новый недостатокъ: неспособность быстро разгадывать обстановку и немедленно принимать рѣшенія.

Куропаткинъ-полководецъ все время занимался мелочами. Его особенно интересовали вопросы: о состояніи обуви въ такомъ-то полку, о томъ, какъ варить чумизное зерно, о лучшемъ устройствѣ наръ въ палаткахъ, о способахъ запряжки лошадей въ обозѣ, о томъ, должны ли денщики зауряд-прапорщиковъ принимать участіе въ бою и т. п.

Корпусные командиры непрерывно получали самыя мелочныя указанія: послать охотничью команду такого-то полка туда-то; придать къ передовому отряду два горныхъ орудія именно такой-то батареи; въ извѣстномъ мѣстѣ построить опорный пунктъ на одну роту такой-то профили, съ такими-то блиндажами и препятствіями; произвести развѣдку такой-то частью, въ направленіи къ такому-то пункту, начавъ движеніе въ опредѣленномъ часу и окончивъ его въ назначенное время и т. д.

Увлекаясь исключительно деталями, упуская изъ-за нихъ все главное, Куропаткинъ и ближайшихъ помощниковъ своихъ старался набирать изъ числа людей съ такимъ же скла-

домъ ума; насколько отъ него зависѣло, онъ тщательно избѣгалъ совмѣстной работы съ людьми самостоятельными и широкими, склонными къ смѣлой творческой дѣятельности.

Въ предвидѣніи наступленія производилась самая кропотливая подготовительная работа. Каждая административная мелочь предусматривалась лично Куропаткинымъ, выяснялась путемъ запросовъ, обсуждалась на совѣщаніяхъ. Штабы корпусовъ писали цѣлыя сочиненія на заданныя темы. Въ штабѣ главнокомандующаго была заведена особая книга, въ которую старательно записывались мнѣнія всѣхъ начальствующихъ лицъ по каждому данному вопросу. Офицеры генеральнаго штаба составляли проекты на всѣ случаи, какъ возможные, такъ и совершенно невѣроятные. Исписывались стопы бумаги. Вычерчивались огромные планы, иллюминованные чертежи и аккуратныя схемы со стрѣлками. Всѣ дѣйствія на много дней впередъ были предусмотрѣны, росписаны и изображены графически. Однако непріятель ни разу не далъ намъ возможности выполнить наше росписаніе, а обыкновенно самъ переходилъ въ наступленіе. Такъ было на Шахэ и при Сандепу; то же самое, но въ еще болѣе

рельефной формѣ, произошло и въ послѣднемъ сраженіи подъ Мукденомъ.

При оборонѣ, вмѣсто того, чтобы создать нѣсколько сильныхъ позицій и, опираясь на нихъ, маневрировать, Куропаткинъ стремился устроить одну сплошную укрѣпленную линію, которая бы все прикрывала. Цѣлыя арміи растягивались на многіе десятки верстъ и зарывались въ землю. Резервовъ почти не оставалось. И чѣмъ дольше мы стояли, тѣмъ больше тянулись въ обѣ стороны. Такъ какъ для занятія столь непомѣрно растянутой линіи не хватало войскъ, то живую силу старались восполнить искусственными препятствіями: передъ позиціями устраивали непрерывныя полосы проволочныхъ сѣтей и засѣкъ, рыли волчьи ямы, закладывали фугасы. Дѣло дошло до того, что въ полевой войнѣ начали употреблять осадныя орудія на платформахъ. При всемъ этомъ забывали лишь одно, что оборона, въ которой отсутствуетъ активный элементъ, заранѣе обречена на неудачу. Это было какое-то возрожденіе военнаго искусства Византіи временъ упадка. Подвижной, смѣлый противникъ прекрасно пользовался такимъ пассивнымъ характеромъ обороны. Оставивъ передъ фронтомъ нашихъ позицій незначи-

тельныя силы, онъ обыкновенно обходилъ насъ съ одного или обоихъ фланговъ. Для парированія подобнаго обхода слабыхъ резервовъ не хватало, приходилось быстро снимать войска съ разныхъ участковъ позиціи и спѣшно передвигать ихъ на крайній правый или лѣвый флангъ, а иногда туда и обратно.

Въ результатѣ получалось полнѣйшее перемѣшиваніе частей, совершеннѣйшій хаосъ, въ которомъ всякая организація нарушалась, гдѣ начальники не знали войскъ, а войска своихъ начальниковъ.

Итакъ, какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ, Куропаткинъ уже съ самаго начала операціи выпускалъ изъ рукъ инициативу, уподобляясь тому плохому фехтовальщику, который не наноситъ, а только отбиваетъ удары. Съ первыхъ же шаговъ его детально разработанный планъ оказывался разрушеннымъ. Являлась необходимость быстро принять новое рѣшеніе и энергично привести его въ исполненіе. Однако Куропаткинъ не былъ на это способенъ: онъ не могъ быстро создать новый планъ, потому что его медленно работающій, исключительно аналитическій умъ не былъ способенъ на мгновенное смѣлое творчество; онъ не могъ проявить непреклон-

ной рѣшимости, потому что по натурѣ своей всегда боялся отвѣтственности.

Вмѣшиваясь въ спокойное время во всѣ мелочи управленія войсками, въ критическія минуты Куропаткинъ оставался обыкновенно пассивнымъ зрителемъ совершавшагося.

Куропаткинъ обвиняетъ Бильдерлинга въ томъ, что во время сраженія подъ Ляояномъ, имѣя въ своемъ распоряженіи значительныя силы, онъ не остановилъ обходнаго движенія арміи Куроки.

Затѣмъ Куропаткинъ упрекаетъ Штакельберга за крайнюю нерѣшительность дѣйствій во время сентябрскаго наступленія, вслѣдствіе чего прекрасно задуманная операція окончилась неудачей.

Наконецъ, Куропаткинъ обвиняетъ Каульбарса въ томъ, что въ сраженіи подъ Мукденомъ онъ, не смотря на неоднократныя приказанія, на посланныя ему многочисленныя подкрѣпленія, упорно не переходилъ въ наступленіе и такимъ образомъ подарилъ непріятелю два дня.

Однако почему же Куропаткинъ своимъ личнымъ вмѣшательствомъ не старался исправить роковыя, по его собственному признанію, ошибки своихъ подчиненныхъ?

Почему въ эти критическіе моменты, когда рѣшалась участь не только сраженій, но и всей кампаніи, онъ не переѣхалъ на угрожаемые пункты и не принялъ лично командованія надъ войсками, какъ это дѣлали въ подобныхъ случаяхъ всѣ настоящіе полководцы?

Объясненіе, что это происходило отъ нежеланія Куропаткина ограничивать самостоятельность частныхъ начальниковъ, не выдерживаетъ никакой критики. Вѣдь не стѣснялся же Куропаткинъ въ другое время распоряжаться даже охотничьими командами и отдѣльными пушками.

Нѣтъ, это удивительное «непротивленіе злу» можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что Куропаткинъ избѣгалъ черезчуръ отвѣтственныхъ положеній. Принять въ критическій моментъ сраженія непосредственное командованіе войсками на рѣшительномъ пунктѣ — это значило возложить на себя одного, нераздѣльно, всю тяжесть отвѣтственности за послѣдствія. Между тѣмъ, оставаясь въ сторонѣ лишь верховнымъ руководителемъ, можно было все-таки оправдаться тѣмъ, что планъ былъ прекрасенъ, но Бильдерлингъ, Штакельбергъ и Каульбарсъ напутали и тѣмъ испортили все дѣло.

Послѣ каждаго неудачнаго сраженія производилось формальное слѣдствіе для разысканія виновныхъ. Однако Куропаткинъ дѣлалъ это не для того, чтобы удалить изъ арміи неспособныхъ генераловъ (что было бы вполнѣ понятно и чрезвычайно полезно), а лишь съ цѣлью заготовить оправдательные документы для будущей исторіи.

Тѣмъ же недостаткомъ гражданскаго мужества объясняется и крайняя снисходительность Куропаткина къ подчиненнымъ.

Корпусный командиръ, доказавшій свое полнѣйшее незнаніе военнаго дѣла, совершенно не щадившій кровь и потъ русскаго солдата, ненавидимый войсками до такой степени, что одно время даже опасались, какъ бы не было покушенія на его жизнь; еще одинъ командиръ корпуса, цинически выражавшій свое равнодушіе къ дѣлу войны, заслужившій въ арміи репутацію паническаго генерала, всегда первый при отступленіи, каждый разъ покидавшій своихъ сосѣдей на произволъ судьбы; нѣкоторые другіе начальники, круглые невѣжды въ военномъ дѣлѣ, иногда даже завѣдомые трусы...

Все это остается на своихъ мѣстахъ; все это награждается крестами, звѣздами и золотымъ оружіемъ!

Куропаткинъ открыто говорилъ про одного командующаго арміей, что по своей тупости онъ не способенъ командовать даже баталіономъ, а между тѣмъ тотъ же Куропаткинъ писалъ этому генералу письма, уговаривая его остаться въ арміи.

Чѣмъ объяснить эти факты? Можетъ быть излишней добротой Куропаткина?

Нѣтъ, просто опасеніемъ, какъ бы эти генералы, особенно имѣющіе связи, будучи высланными изъ арміи, не повредили ему въ Петербургѣ.

Слѣдя однимъ глазомъ за непріятелемъ, Куропаткинъ все время имѣлъ другой глазъ обращеннымъ на Россію. Онъ непрерывно думалъ о томъ: какъ настроены къ нему правительственныя сферы, что говорятъ о немъ въ придворныхъ кругахъ, что пишутъ въ газетахъ, какого мнѣнія о немъ русское общество... Онъ все время желалъ всѣмъ нравиться и угождать.

У Куропаткина, при всѣхъ его безспорныхъ достоинствахъ, отсутствовала та гордая, безстрашная самостоятельность, которой отличался напримѣръ Барклай, когда при условіяхъ, безконечно болѣе тяжелыхъ, наперекоръ мнѣнію правительства, народа и арміи, пренебрегая

клеветою и интригами, заклейменный именемъ измѣнника, онъ неуклонно выполнялъ свой планъ въ надеждѣ, что впослѣдствіи безпристрастная исторія воздастъ ему должное.

По складу ума и характера Куропаткинъ могъ быть идеальнымъ интендантомъ арміи, пожалуй даже хорошимъ начальникомъ штаба при талантливомъ главнокомандующемъ, но отнюдь не полководцемъ. Для послѣдняго у него не хватало: силы творчества, непреклонной рѣшимости и величія души, безъ коихъ немыслимъ полководецъ.

II.

Вліяніе дѣйствій флота на ходъ сухопутной войны.

Характерная особенность Русско-Японской войны состояла въ томъ, что обѣ воюющія стороны были отдѣлены отъ театра дѣйствій: Россія—огромнымъ пространствомъ территоріи, а Японія—моремъ.

Послѣднее обстоятельство придавало чрезвычайное значеніе дѣйствіямъ флота: если бы русскій флотъ завоевалъ себѣ господство на морѣ, то войны на сушѣ совсѣмъ бы не было; если бы онъ сохранилъ за собой хотя бы способность мѣшать движенію непріятельскихъ военныхъ транспортовъ, то японцамъ никогда не удалось бы сосредоточить на сушѣ значительныя силы, а слѣдовательно и развить тамъ крупныя операціи.

Въ 1903 году, въ оффиціальномъ докладѣ, адмиралъ Алексѣевъ категорически заявилъ, что нашъ Тихоокеанскій флотъ настолько силенъ, что не можетъ быть разбитъ японцами. Это положительное заявленіе, въ связи съ наивной увѣренностью правительства, что

войны не будетъ, и не менѣе наивнымъ опасеніемъ быть обвиненнымъ въ агрессивныхъ замыслахъ, является причиною того, что на театрѣ военныхъ дѣйствій не были своевременно сосредоточены достаточныя силы. Дѣйствительно, разъ непріятель не могъ овладѣть моремъ, для насъ не встрѣчалось особой надобности въ многочисленной сухопутной арміи. Однако дѣйствительность показала, что ручательство намѣстника и главнаго начальника русскихъ морскихъ силъ на Дальнемъ Востокѣ было лишь необдуманной фразой. Вмѣсто того, чтобы собрать всю Тихоокеанскую эскадру въ обширномъ владивостокскомъ портѣ съ его двумя выходами и отсюда, если не господствовать надъ моремъ, то во всякомъ случаѣ мѣшать движенію японскихъ транспортовъ, адмиралъ Алексѣевъ разбросалъ наши суда по всему побережью, сосредоточивъ главную ихъ массу въ портъ-артурской ловушкѣ.

Въ результатѣ нашъ Тихоокеанскій флотъ былъ отчасти уничтоженъ, отчасти запертъ, и японцы стали доставлять войска на театръ военныхъ дѣйствій совершенно въ условіяхъ мирнаго времени.

Такимъ образомъ, съ первыхъ же дней войны наша малочисленная сухопутная армія

была предоставлена своимъ собственнымъ силамъ.

Виновникъ всего этого во всякомъ другомъ государствѣ былъ бы преданъ суду; у насъ, какъ извѣстно, онъ получилъ высшую военную награду—Георгія на шею.

Долго тянулась ожесточенная война на сушѣ, безпримѣрная по своему кровопролитію. Наконецъ, послѣ паденія Портъ-Артура и неудачнаго сраженія подъ Мукденомъ, наше правительство снова рѣшилось прибѣгнуть къ содѣйствію флота. Эскадра адмирала Рожественскаго получила приказаніе пробиться во Владивостокъ.

Каждому было ясно, что это предпріятіе не имѣетъ никакихъ шансовъ на успѣхъ. Пестрая, плохо обученная эскадра, состоявшая на половину изъ тихоходовъ, должна была пройти огромное разстояніе, не встрѣчая на пути ни одной угольной станціи, ни одного порта, чтобы въ концѣ-концовъ, не имѣя никакой базы, вступить въ борьбу съ многочисленнымъ, великолѣпно устроеннымъ непріятельскимъ флотомъ, оперировавшимъ у своихъ береговъ.

Сами моряки, отъ адмирала до младшаго мичмана, совершенно не вѣрили въ успѣхъ

порученнаго имъ дѣла. Въ этомъ отношенiи любопытный эпизодъ, происшедшiй во время проводовъ эскадры адмирала Рожественскаго изъ Кронштадта, разсказанъ въ «маленькихъ письмахъ», присутствовавшаго при этомъ, А. С. Суворина («Нов. Вр.» № 10506). За обѣдомъ на броненосцѣ «Александръ III», въ отвѣтъ на всеобщiя пожеланiя счастливаго пути, командиръ капитанъ I ранга Бухвостовъ (впослѣдствiи геройски погибшiй при Цусимѣ) неожиданно началъ говорить о томъ, что Россiя совсѣмъ не морская держава, что русскiе никогда не были и не будутъ настоящими моряками, что постройка судовъ только разоренiе казны и нажива строителямъ.... «Вы смотрите и думаете—какъ тутъ все хорошо устроено»,—продолжалъ Бухвостовъ,—«а я вамъ скажу, что тутъ совсѣмъ не все хорошо. Вы желаете намъ побѣды. Нечего и говорить, какъ мы ее желаемъ. Но побѣды не будетъ! я боюсь, что мы растеряемъ половину эскадры по пути, а если этого не случится, то насъ разобьютъ японцы, у нихъ и флотъ исправнѣе и моряки они настоящiе. За одно ручаюсь, мы всѣ умремъ, но не сдадимся».

Что касается нашихъ сухопутныхъ офицеровъ, то они еще съ самаго начала войны

не возлагали на флотъ особыхъ надеждъ. Будучи профанами въ морскомъ дѣлѣ, мы тѣмъ не менѣе понимали, что современный корабль есть чрезвычайно сложный механизмъ, требующій для управленія собою основательныхъ и разнообразныхъ знаній, а между тѣмъ намъ было извѣстно, съ какимъ легкимъ научнымъ багажемъ выходятъ наши моряки изъ своего корпуса; мы не могли не замѣтить, что дальнѣйшая служба этихъ офицеровъ состоитъ главнымъ образомъ въ педантическомъ соблюденіи особаго морского этикета на кораблѣ и въ исполненіи свѣтскихъ обязанностей на берегу; до насъ доходили темные слухи о колоссальныхъ злоупотребленіяхъ въ морскомъ вѣдомствѣ, о господствовавшемъ тамъ фаворитизмѣ, подавлявшемъ все талантливое; мы видѣли поразительную распущенность морскихъ командъ на берегу, дѣлавшую ихъ совершенно непохожими на регулярныя войска; наконецъ, изъ исторіи мы знали, что наши моряки (сухопутные люди по природѣ) никогда не отличались особымъ искусствомъ на моряхъ и что лучшія свои дѣла они совершали тогда, когда ихъ высаживали на сушу, употребляя въ качествѣ пѣхотинцевъ и артиллеристовъ.

Однако дѣйствительность превзошла самыя пессимистическія ожиданія. Цусимское пораженіе является единственнымъ въ исторіи. Многочисленный флотъ погибъ, не причинивъ непріятелю ни малѣйшаго вреда. Наши броненосцы кувыркались и шли ко дну въ нѣсколько минутъ; одинъ адмиралъ сдался въ плѣнъ съ цѣлой эскадрой, а другой ушелъ съ поля сраженія, оставивъ своихъ боевыхъ товарищей на произволъ судьбы.

Цусимскій разгромъ произвелъ подавляющее впечатлѣніе на правительство и заставилъ его тотчасъ же начать переговоры о мирѣ. Мирный договоръ былъ подписанъ тогда, когда стратегическое положеніе нашей сухопутной арміи, вслѣдствіе подошедшихъ къ ней многочисленныхъ подкрѣпленій и исправленія недостатковъ матеріальной части, сдѣлалось выгоднѣе, чѣмъ когда-либо въ предшествовавшіе моменты кампаніи.

Эта была вторая услуга, оказанная русскимъ флотомъ своей сухопутной арміи.

Теперь, когда наши столь дорого стоившія суда или покоятся на днѣ океана, или находятся въ рукахъ японцевъ, рождается вопросъ: слѣдуетъ ли намъ, по окончаніи войны, вновь заняться созданіемъ флота?

Взглянемъ на карту. Къ Россіи примыкаютъ три внутреннихъ моря: Балтійское, Черное и Японское. Эти моря такъ удалены другъ отъ друга и настолько заперты другими государствами, что разсчитывать на то, чтобы Балтійская эскадра своевременно помогла Черноморской, или Тихоокеанская—Балтійской, совершенно невозможно. Итакъ, если мы желаемъ быть крупною морскою державою, то географическое положеніе вынуждаетъ насъ имѣть три эскадры, изъ коихъ каждая въ отдѣльности могла бы выдержать борьбу съ противникомъ.

Возможно ли это при современномъ финансовомъ положеніи Россіи и при той массѣ неотложныхъ расходовъ, которые ей предстоятъ?

Очевидно нѣтъ.

Затѣмъ, нужно ли это?

Колоній мы не имѣемъ. Наша морская торговля по сравненію съ сухопутной незначительна, да и притомъ производится на иностранныхъ судахъ. При такихъ условіяхъ достаточно ограничиться обороной побережья, а для этого стоитъ лишь укрѣпить важнѣйшіе пункты и развить желѣзнодорожную сѣть настолько, чтобы можно было быстро сосредоточить необходимое число войскъ для

отраженія дессанта на каждомъ угрожаемомъ участкѣ. Вѣдь если бы во время послѣдней войны вмѣсто одноколейной, позорно-выстроенной, желѣзной дороги мы имѣли хорошій двухколейный путь, то могли бы сосредоточить въ Манчжуріи такія сухопутныя силы, что и безъ содѣйствія флота легко справились бы съ японцами.

Вопросъ о созданіи сильнаго наступательнаго флота есть для Россіи вопросъ будущаго. Онъ возникнетъ тогда, когда наше отечество, устроивъ свои внутреннія дѣла, выйдетъ на путь широкой міровой политики, когда у насъ появятся колоніи, когда наша торговля распространится по океанамъ.

III.

Высшій командный составъ.

Однимъ изъ главныхъ виновниковъ неудачнаго хода войны безспорно является высшій командный составъ нашей арміи.

Управленіе большими массами войскъ какъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ и на полѣ сраженія представляетъ задачу чрезвычайно трудную. Для этого нужны: твердый характеръ, прирожденныя военныя способности, основательное знакомство со всѣми родами войскъ въ связи съ условіями современной сложной техники и систематическая предварительная практика.

То обстоятельство, что наши старшіе начальники не смогли удовлетворить этимъ разнообразнымъ требованіямъ, не можетъ конечно удивить того, кто еще до войны наблюдалъ, какъ у насъ производятся назначенія на высшія должности.

Основнымъ принципомъ при этомъ являются связи, какъ прирожденныя, такъ и благопріобрѣтенныя, а затѣмъ старшинство по службѣ. Вопросъ о томъ, насколько назначаемое лицо по своимъ способностямъ, характеру и знаніямъ пригодно для замѣщенія освобо-

дившагося высокаго поста, мало интересуетъ кого-либо. Думаютъ лишь о томъ, соотвѣтствуетъ ли открывшаяся должность по окладу, положенію и жизненнымъ условіямъ интересамъ того лица, которое желаютъ устроить.

Самое понятіе о способностяхъ въ нашихъ правящихъ сферахъ въ высшей степени своеобразное: человѣкъ талантливый, самостоятельный, полный иниціативы, готовый во имя идеи подвергнуться всякимъ служебнымъ непріятностямъ—обыкновенно пользуется репутаціей *легкомысленнаго* и *безпокойнаго;* наоборотъ, разсчетливый карьеристъ безъ всякихъ опредѣленныхъ убѣжденій, совершенно равнодушный къ успѣху дѣла, лишенный самостоятельныхъ идей, зачастую даже совершенно ограниченный, но искусно подлаживающійся къ господствующимъ теченіямъ, — слыветъ *умнымъ* и *тактичнымъ*.

Въ то время, какъ такъ называемыхъ «легкомысленныхъ» и «безпокойныхъ» людей стараются всячески устранить отъ дѣла, въ лучшемъ случаѣ двигая ихъ строго по старшинству, для «умныхъ и тактичныхъ дѣятелей», сумѣвшихъ повсюду заручиться связями, широко открытъ путь къ высшимъ служебнымъ назначеніямъ.

При подобныхъ порядкахъ все способное и самостоятельное поневолѣ опускается на дно, а на поверхность по большей части всплываетъ лишь разный легковѣсный соръ.

Вотъ чѣмъ объясняются эти постоянные разговоры объ отсутствіи людей, поднимающіеся каждый разъ, когда нужно найти кандидата на какой-либо особо отвѣтственный постъ. Въ ближайшихъ кругахъ подходящихъ людей дѣйствительно нѣтъ, потому что они были въ свое время предусмотрительно задержаны на разныхъ низшихъ должностяхъ *).

Можно ли при такихъ условіяхъ удивляться тому, что и въ тяжелые дни войны наши военачальники оказались лишенными творчества и инициативы?!

Собственно говоря три пути ведутъ къ высшимъ командным должностямъ въ русской арміи.

---

*) Генералъ Куропаткинъ въ своемъ „прощальномъ обращеніи“ къ офицерамъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Люди съ сильнымъ характеромъ, люди самостоятельные, къ сожалѣнію, во многихъ случаяхъ въ Россіи не только не выдвигались впередъ, а преслѣдовались: въ мирное время такіе люди для многихъ начальниковъ казались безпокойными, казались людьми съ тяжелымъ характеромъ и таковыми и аттестовывались. Въ результатѣ такіе люди часто оставляли службу. Наоборотъ люди безъ характера, безъ убѣжденій, но покладистые, всегда готовые во всемъ соглашаться съ мнѣніями своихъ начальниковъ, выдвигались впередъ“.

Первый путь есть служба въ одномъ изъ дорогихъ гвардейскихъ полковъ. Если только офицеръ имѣетъ средства выдержать достаточное число лѣтъ, то онъ быстро проходитъ всѣ низшія ступени, такъ какъ прожившіеся товарищи непрерывно открываютъ ему вакансіи. Попутно съ этимъ, во время кутежей и великосвѣтскихъ удовольствій, создаются прочныя связи, обезпечивающія дальнѣйшую блестящую карьеру. Именно такимъ образомъ русская армія получала до сихъ поръ большую часть своихъ корпусныхъ командировъ и командующихъ войсками въ округахъ.

Другой путь доступенъ лишь генеральному штабу. Вмѣсто того, чтобы идти медленнымъ нормальнымъ ходомъ—служить при войскахъ, командовать полкомъ и т. д., болѣе ловкіе офицеры генеральнаго штаба пристраиваются къ одной изъ центральныхъ петербургскихъ канцелярій и благодаря этому попадаютъ въ генералы на 4—6 лѣтъ раньше своихъ товарищей, командовавшихъ полками. Затѣмъ, нѣкоторые изъ этихъ военныхъ бюрократовъ, полавировавъ еще нѣсколько времени между разными высшими штабами, снова возвращаются въ строй, сразу занимая тамъ крупныя должности.

Третій путь—придворный. Какая-либо высокая особа получаетъ командную должность. Вокругъ нея тотчасъ же формируется кругъ приближенныхъ—своего рода маленькій дворъ: одинъ прекрасно разсказываетъ анекдоты, другой веселый собутыльникъ, третій удобенъ для разныхъ домашнихъ порученій, четвертый просто пріятенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Поднимается по іерархической лѣстницѣ высокая особа и вмѣстѣ съ нею возвышаются ея приближенные, пока желающіе изъ нихъ не пройдутъ на высшіе военные посты.

Итакъ, фешенебельный ресторанъ, петербургская канцелярія и дворцовая пріемная, вотъ гдѣ изготовляется большинство русскихъ военачальниковъ.

Занявъ свои высокіе посты, наши военные сановники обыкновенно смотрятъ на нихъ какъ на синекуры, занимаясь службой лишь по стольку, по скольку это нужно съ внѣшней показной стороны. Призванія къ военному дѣлу они, въ большинствѣ случаевъ, совершенно не имѣютъ, какой-либо внѣшней побудительной причины къ тому, чтобы слѣдить за непрерывнымъ развитіемъ военнаго искусства, заниматься своей собственной подготовкой и соотвѣтствующимъ обученіемъ войскъ,

совсѣмъ не ощущаютъ. Ихъ служебное положеніе и безъ того совершенно устойчивое. Чтобы они ни дѣлали, какіе бы образцы небрежности, самодурства и невѣжества ни показывали, какія бы нелѣпыя требованія ни предъявляли къ войскамъ, они все-таки останутся на своихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока преклонный возрастъ или неизлѣчимая болѣзнь не приведутъ ихъ къ тихой пристани одного изъ высшихъ государственныхъ учрежденій.

Эта система полной безконтрольности старшихъ начальствующихъ лицъ, столь прочно укоренившаяся въ Россіи въ мирное время, была сохранена и во время войны. Вмѣсто того, чтобы тотчасъ же удалять генераловъ, доказавшихъ свою непригодность, замѣняя ихъ способными людьми, высшая власть попрежнему съ ними церемонилась. За все время кампаніи было только два случая, когда завѣдомо никуда негодные крупные начальники были устранены, но и тутъ, по возвращеніи въ Петербургъ, они получили высшія назначенія. Бездарные, невѣжественные генералы продолжали водить порученныя имъ войска на убой до тѣхъ поръ, пока общими своими усиліями не привели и всю войну къ печальному концу.

IV.

Офицеры.

При современныхъ арміяхъ, представляющихъ вооруженные народы, когда каждая мобилизованная войсковая часть состоитъ наполовину и даже на три четверти изъ людей только что призванныхъ изъ запаса, корпусъ офицеровъ пріобрѣтаетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ прежде. При быстрой и непрерывной смѣнѣ нижнихъ чиновъ одни только офицеры являются настоящимъ кадромъ арміи, хранителями ея вѣковыхъ традицій и боевыхъ преданій. Посреди массы гражданъ, отбывающихъ воинскую повинность лишь по обязанности, корпусъ офицеровъ долженъ составлять какъ бы рыцарское братство, служащее по призванію. Только такіе офицеры, увлекающіеся своею спеціальностью, фанатически преданные ей, могутъ быть полезными для дѣла.

Особенно важны хорошіе офицеры для русской арміи вслѣдствіе того, что нашъ солдатъ гораздо менѣе развитъ и менѣе способенъ къ самостоятельной дѣятельности, чѣмъ солдатъ другихъ болѣе культурныхъ націй.

Откуда же получаетъ русская армія своихъ офицеровъ?

Большая часть ихъ выходитъ изъ юнкерскихъ училищъ, куда стекаются, обыкновенно, неудачники всѣхъ профессій. Неокончившій реалистъ, выгнанный классикъ, полуграмотный семинаристъ, недотянувшій до конца ученикъ земледѣльческаго, техническаго, или коммерческаго училища — вотъ обычный контингентъ, которымъ пополняются юнкерскія училища. Всѣ эти люди, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, идутъ на военную службу, не чувствуя къ ней ни малѣйшаго призванія, только потому, что имъ некуда дѣться. Откровенные родители такъ и объясняютъ: «Ваня глупъ или Ваня не хочетъ учиться — придется отдать его въ юнкера».

Другую, значительно меньшую часть своихъ офицеровъ русская армія получаетъ изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и военныхъ училищъ. Эти офицеры имѣютъ законченное общее (7 лѣтъ корпуса) и достаточное спеціальное (2—3 года училища) образованіе. Однако и между ними мало встрѣчается людей, чувствующихъ призваніе къ военному дѣлу.

Этотъ фактъ объясняется очень просто. Десяти лѣтъ отдаютъ мальчика въ кадетскій

корпусъ и тѣмъ напередъ предопредѣляютъ его будущую карьеру. Положимъ, каждый окончившій семь классовъ корпуса имѣетъ право, наравнѣ съ реалистами, держать конкурсный экзаменъ въ любое изъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеній. Однако для семнадцатилѣтняго мальчика, семь лѣтъ выдержаннаго въ стѣнахъ кадетскаго монастыря, оставить вѣрную проторенную дорогу и избрать себѣ самостоятельный, рискованный путь не такъ-то легко, особенно при полномъ отсутствіи денежныхъ средствъ, какъ это обыкновенно бываетъ. Въ результатѣ вся масса кадетъ за рѣдкими исключеніями идетъ въ военныя училища и оттуда производится въ офицеры.

Незадолго до войны, съ цѣлью еще болѣе затруднить выходъ на сторону, въ военномъ министерствѣ было даже проектировано такое пониженіе курса кадетскихъ корпусовъ, которое сдѣлало бы для ихъ питомцевъ невозможнымъ поступленіе въ высшія гражданскія учебныя заведенія. (?!)

Первые годы послѣ производства въ офицеры проходятъ въ наслажденіи непривычной свободой, но затѣмъ для очень многихъ наступаетъ разочарованіе, они чувствуютъ, что

попали не на свою дорогу. Примѣняемая въ корпусѣ военная дрессировка (притомъ весьма слабая) не въ состояніи возмѣстить отсутствіе призванія, подобно тому какъ воспитаніе въ гражданскомъ учебномъ заведеніи не смогло заглушить въ Скобелевѣ и Тотлебенѣ вложеннаго въ нихъ самой природой влеченія къ военному дѣлу.

Итакъ, большинство офицеровъ русской арміи поступаетъ на военную службу, не имѣя никакого призванія къ ней.

Дальнѣйшая дѣятельность строевого офицера обставлена такъ, что она нс только нс можетъ развить въ немъ любовь къ военной спеціальности, но наоборотъ — неизбѣжно должна внушить отвращеніе. Живое, интересное дѣло воспитанія солдата и подготовки войскъ къ войнѣ сведено у насъ къ формалистикѣ и мертвечинѣ.

Весь порядокъ занятій точно, въ подробностяхъ, регламентированъ уставами, наставленіями, инструкціями, приказами, росписаніями и т. п. Мало того, желая въ чемъ-нибудь проявить свою дѣятельность, всѣ старшіе начальники, помимо указанныхъ подробныхъ правилъ, предъявляютъ еще свои личныя требованія. При этомъ, такъ какъ командный

составъ нашей арміи въ значительной мѣрѣ состоитъ изъ людей невѣжественныхъ, не только не знающихъ современнаго военнаго дѣла, но по малому общему развитію даже и неспособныхъ его понять, то всѣ ихъ требованія носятъ чисто внѣшній, детальный характеръ. Даже въ способахъ достиженія поставленныхъ цѣлей строевому офицеру не предоставляется никакой свободы. Сѣдовласый ротный командиръ въ концѣ своей карьеры слышитъ наставленіе о томъ, какъ нужно учить новобранцевъ, и получаетъ выговоры за то, что опоздалъ на занятія на четверть часа.

Однимъ словомъ, въ продолженіе всей своей службы въ полку нашъ строевой офицеръ находится подъ постоянной опекой; его дѣятельность лишена всякой самостоятельности, малѣйшей доли творчества и инициативы.

При подобныхъ условіяхъ интересъ къ военному дѣлу исчезаетъ даже у тѣхъ немногихъ, у коихъ онъ былъ передъ поступленіемъ на службу. Большинство нашихъ офицеровъ служитъ лишь по принужденію, апатично, иногда даже съ отвращеніемъ, выполняя постылое, противное дѣло. За единичными исключеніями военной наукой никто не занимается, никто ничего не читаетъ, ни за

чѣмъ не слѣдитъ... Этимъ русское воинство рѣзко отличается отъ другихъ культурныхъ армій, гдѣ офицеры увлекаются своей спеціальностью, а воспитаніе и обученіе солдата возведены въ своего рода культъ.

Система служебнаго возвышенія, которая въ другихъ арміяхъ является могучимъ средствомъ для возбужденія соревнованія между офицерами и для выдѣленія болѣе достойныхъ, у насъ зачастую приводитъ къ обратнымъ результатамъ.

Вся карьера нашего строевого офицера находится въ рукахъ командира полка и начальника дивизіи. Отъ ихъ усмотрѣнія зависитъ провести ли капитана въ подполковники сравнительно быстро «внѣ правилъ» или же замариновать его въ капитанскомъ чинѣ до предѣльнаго возраста. Практика жизни показываетъ, что при этомъ выборѣ зачастую руководствуются не столько пользою службы, сколько совершенно посторонними соображеніями: скорѣе всего проходятъ въ штабъ-офицеры не самые способные и самостоятельные, а наиболѣе пронырливые и искательные. Бывали даже случаи (нѣкоторые факты установлены оффиціально), когда, желая избавиться отъ плохого ротнаго ко-

мандира, начальство представляло его къ производству въ подполковники, дабы скорѣе сплавить въ другую часть.

Должность баталіоннаго командира и чинъ подполковника составляютъ обыкновенно вѣнецъ карьеры армейскаго пѣхотнаго офицера. Далѣе въ командиры полковъ и даже отдѣльныхъ баталіоновъ попадаютъ лишь единичныя личности, такъ какъ эти должности почти исключительно замѣщаются офицерами гвардіи, генеральнаго штаба и разныхъ центральныхъ учрежденій.

Какъ общее правило, всѣ преимущества имѣютъ тѣ офицеры, которые на нѣкоторое время выходятъ изъ строя, поступая въ воспитатели кадетскихъ корпусовъ, дѣлопроизводители воинскихъ начальниковъ и т. п., а затѣмъ снова возвращаются въ ряды войскъ. Приведу слѣдующій случай. Изъ военныхъ училищъ въ 1883 году было выпущено много портупей-юнкеровъ (лучшихъ учениковъ) въ разные армейскіе полки. Въ началѣ этой войны огромное большинство ихъ было еще капитанами; затѣмъ во время военныхъ дѣйствій нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ были произведены въ подполковники, а другіе и до сихъ поръ еще сидятъ въ капитанскомъ чинѣ.

Въ томъ же году изъ военнаго училища вышелъ въ армію одинъ юнкеръ, не особенно сильный въ наукахъ. Прослуживъ три года въ строю, онъ поступилъ воспитателемъ въ кадетскій корпусъ, за выслугу лѣтъ быстро попалъ въ подполковники, возвратился обратно въ строй, получилъ отдѣльный батальонъ, былъ произведенъ въ полковники, а во время войны, въ видѣ простой очередной награды, получилъ генеральскій чинъ и бригаду. Другой примѣръ: изъ одного армейскаго полка ушелъ очень плохой штабсъ-капитанъ на должность начальника тюрьмы. Тамъ онъ былъ произведенъ въ капитаны и, вернувшись обратно въ строй, принялъ роту, обогнавъ всѣхъ своихъ даже самыхъ выдающихся сверстниковъ. Спрашивается, какъ должны вліять подобные порядки на строевыхъ офицеровъ?!

Говоря объ условіяхъ службы главной массы нашего офицерскаго корпуса—армейской пѣхоты, нельзя не упомянуть о томъ хамствѣ, которое проявляется въ отношеніяхъ начальниковъ къ подчиненнымъ. Крикъ, грубыя, обидныя выраженія, иногда даже ругательства—явленіе обычное. Иной разъ во время какого-нибудь ученія на городской площади

въ присутствіи толпы народа начальникъ дивизіи или командиръ полка позволяютъ себѣ по ничтожному поводу съ грязью мѣшать стараго заслуженнаго капитана. Такое пренебрежительное отношеніе къ офицеру роняетъ въ глазахъ общества достоинство офицерскаго званія.

Въ самомъ дисциплинарномъ уставѣ проведены унизительные взгляды. Например ъ, каждый офицеръ, начиная отъ молодого подпоручика и кончая старымъ полковникомъ (если только послѣдній не пользуется правами начальника отдѣльной части), можетъ быть подвергнутъ аресту на гаупвахтѣ въ дисциплинарномъ порядкѣ, то-есть по простому усмотрѣнію начальства. Такая средневѣковая мѣра совершенно не соотвѣтствуетъ современнымъ воззрѣніямъ. Для офицера не можетъ быть другихъ наказаній кромѣ замѣчаній и выговоровъ; тотъ же, на котораго эти мѣры не дѣйствуютъ, долженъ быть удаленъ изъ арміи.

Къ описаннымъ выше тяжелымъ условіямъ службы армейскаго офицера присоединяется чрезвычайно стѣсненное матеріальное положеніе. Кромѣ мизерныхъ квартирныхъ окладовъ, на которые нигдѣ хоть сколько-нибудь

подходящей квартиры нанять нельзя, наши офицеры получаютъ: подпоручикъ—600 р., ротный командиръ—1.200 р. и баталіонный командиръ—1.740 р. въ годъ. Возможность существовать на эти средства, особенно въ большомъ городѣ, для человѣка семейнаго, да еще при необходимости поддерживать нѣкоторую представительность, составляетъ неразрѣшимую математическую задачу.

Болѣе четверти вѣка тому назадъ въ одной изъ своихъ реляцій генералъ Скобелевъ указывалъ на офицерскій вопросъ, какъ на самую слабую сторону русской арміи. Съ того времени, если не считать небольшой прибавки жалованья, совершенно поглощенной вздорожаніемъ жизни, въ этой сферѣ ничто не измѣнилось.

Положеніе офицера въ обществѣ даже ухудшилось. Нашъ вѣкъ есть время самаго грубаго матеріализма, откровеннаго преклоненія передъ золотымъ тельцомъ. Положеніе въ широкихъ общественныхъ кругахъ даютъ почти исключительно деньги, при чемъ никто не интересуется способомъ ихъ пріобрѣтенія. Добыты ли онѣ воровствомъ при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, грязными адвокатскими дѣлами или темными коммерческими спеку-

ляціями—это безразлично, лишь бы деньги были. При такомъ міровоззрѣніи военная служба съ ея скуднымъ матеріальнымъ вознагражденіемъ, съ ея странными для современныхъ дѣльцовъ идеалами патріотизма и самоотверженія представляется какимъ-то донъкихотствомъ. Уваженіемъ въ этихъ кругахъ пользуются лишь офицеры нѣсколькихъ гвардейскихъ полковъ, такъ какъ большинство ихъ принадлежитъ къ богатому дворянству, и офицеры генеральнаго штаба, потому что въ нихъ видятъ будущихъ военныхъ и гражданскихъ сановниковъ.

Къ этому общему вгляду современной русской буржуазіи въ образованномъ обществѣ примѣшивается еще пренебреженіе къ офицерамъ, какъ къ недоучкамъ, что находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ приведенныхъ выше условіяхъ комплектованія нашего офицерскаго корпуса.

Затѣмъ, такъ называемая «передовая интелигенція» относится вообще съ презрѣніемъ къ военному дѣлу, какъ къ профессіи, недостойной современнаго культурнаго человѣка; кромѣ того, она враждебно настроена спеціально къ русскому военному сословію, потому что видитъ въ немъ главную опору

ненавистнаго ей режима. Это враждебное отношеніе обнаруживается во всемъ: въ общественной жизни, въ періодической печати, въ литературѣ, на сценѣ.

Наше чиновничество недовольно тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ сферахъ государственнаго управленія, при Дворѣ и на офиціальныхъ торжествахъ оно должно уступать первое мѣсто военнымъ властямъ.

Всѣ многочисленные наши инородцы, съ интернаціональнымъ еврействомъ во главѣ, ненавидятъ армію, какъ олицетвореніе національной русской идеи, какъ представительницу прочнаго государственнаго единства.

Помѣстное дворянство, до послѣдняго времени связанное съ арміей самыми прочными узами, теперь начинаетъ отрываться отъ нея. Отчасти оно уже растворилось въ общемъ морѣ русской интелигенціи, проникшись ея космополитическими взглядами, отчасти же обѣднѣло и поневолѣ ищетъ себѣ другихъ болѣе хлѣбныхъ профессій.

Наконецъ простой народъ, всегда сочувственно относившійся къ арміи, теперь также начинаетъ становиться въ оппозицію къ ней вслѣдствіе того, что правительство стало

иногда злоупотреблять примѣненіемъ вооруженной силы.

Такимъ образомъ, ни въ одномъ изъ слоевъ рускаго общества наша офицерская корпорація не находитъ себѣ симпатій.

Итакъ мы разобрали всю обстановку жизни армейскаго офицера: тяжелыя условія службы, гнетъ матеріальной нужды, приниженное положеніе въ обществѣ.

Что же удивительнаго, что при такой обстановкѣ офицеры (къ тому же въ большинствѣ не чувствующіе ни малѣйшаго призванія къ военному дѣлу) стремятся уйти изъ строя. Тѣ изъ нихъ, которымъ не удалось попасть въ одну изъ военныхъ академій, уходятъ въ воспитатели, въ интенданты, въ акцизъ, въ полицію, въ пограничную стражу, въ жандармы, на разныя административныя должности, всюду, гдѣ лучше платятъ, или гдѣ легче дышется.

Въ результатѣ, если бы Россіи пришлось мобилизовать всѣ ея вооруженныя силы, то она сразу натолкнулась бы на огромный некомплектъ офицеровъ, то есть оказалась бы къ войнѣ неготовой.

Изъ числа строевыхъ офицеровъ все болѣе способное, самостоятельное и предпріимчивое

постепенно находитъ себѣ выходъ на сторону. Остаются въ рядахъ войскъ, кромѣ рѣдкихъ любителей военнаго дѣла, по преимуществу самые не развитые и инертные. Вслѣдствіе этого средній уровень младшихъ офицеровъ всегда бываетъ выше ротныхъ командировъ, а этихъ послѣднихъ выше, чѣмъ баталіонныхъ командировъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ въ иностранныхъ арміяхъ, по мѣрѣ служебнаго возвышенія, производится постепенное процѣживаніе офицеровъ, причемъ все неспособное удаляется, у насъ подобный же отборъ производитъ сама жизнь, но только въ обратную сторону.

Однако справедливость требуетъ признать, что во время послѣдней войны, несмотря на всю совокупность перечисленныхъ выше неблагопріятныхъ условій, наши строевые офицеры въ общей своей массѣ проявили не мало самоотверженія. Во многихъ случаяхъ имъ не хватало умѣнія, но доблести было достаточно, что безспорно доказывается огромнымъ процентомъ убыли офицеровъ, значительно превосходящимъ относительныя потери нижнихъ чиновъ.

Некомплектъ офицеровъ въ строевыхъ частяхъ и огромный недостатокъ ихъ въ запасѣ

заставили въ военное время прибѣгнуть къ суррогату офицеровъ въ видѣ прапорщиковъ запаса и зауряд-прапорщиковъ.

Первая категорія, набранная изъ вольноопредѣляющихся перваго разряда, оказалась совершенно непригодной для дѣла. Часть прапорщиковъ запаса сумѣла еще въ Россіи, разными темными способами, уклониться отъ исполненія своего гражданскаго долга, другіе уже по прибытіи на театръ войны предусмотрительно устроились въ тылу и лишь немногіе попали въ строй, гдѣ они, за единичными исключеніями, обнаружили не только полное незнаніе дѣла (что конечно неудивительно), но и совершенное нежеланіе рисковать своей жизнью, что оказывало на простыхъ солдатъ развращающее вліяніе.

Наоборотъ, зауряд-прапорщики, произведенные изъ фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, гордые полученнымъ отличіемъ, вели себя съ замѣчательной доблестью и самоотверженіемъ.

Изъ сдѣланнаго очерка видно въ какомъ плачевномъ состояніи находится въ русской арміи офицерскій вопросъ.

Для правильнаго разрѣшенія его, на мой взглядъ, необходимо принять слѣдующія мѣры:

1) Закрыть теперешнія юнкерскія училища, черезъ которыя въ армію проникаютъ неудачники всѣхъ профессій. Упразднить кадетскіе корпуса, представляющіе изъ себя ловушки, куда завлекаютъ дѣтей въ томъ возрастѣ, когда они еще не въ состояніи относиться сознательно къ выбору профессіи. Взамѣнъ этого создать военныя училища съ трехгодичнымъ курсомъ, въ которыя принимать всѣхъ имѣющихъ дипломъ какого-либо средняго или высшаго учебнаго заведенія. Такъ какъ при соблюденіи указанныхъ ниже условій желающихъ будетъ несомнѣнно больше, чѣмъ вакансій, то при пріемѣ слѣдуетъ установить конкурсъ.

2) Дать военнымъ приличное содержаніе, дабы сдѣлать карьеру обыкновеннаго строевого офицера не менѣе выгодной, чѣмъ карьера инженера, врача, юриста и т. п. Хотя послѣдніе и затрачиваютъ на свою научную подготовку два лишнихъ года, но за то они не несутъ того риска, который выпадаетъ на долю офицера во время войны. Иногда приводятъ въ примѣръ Японію, которая платитъ своимъ офицерамъ меньше, чѣмъ Россія, а между тѣмъ имѣетъ хорошій офицерскій корпусъ. Однако, при этомъ упускаютъ изъ

виду, что важна не абсолютная, а относительная величина вознагражденія. Японскіе офицеры получаютъ мало, но столько же, если не меньше, получаютъ японскіе инженеры, юристы и т. д. Нигдѣ не существуетъ такого огромнаго несоотвѣтствія между содержаніемъ офицеровъ и представителей другихъ профессій, какъ въ Россіи. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ старшій инженеръ самой крупной желѣзной дороги (длиною въ пятнадцать тысячъ верстъ) получаетъ содержанія всего 11.500 руб. въ годъ, а между тѣмъ наши путейцы сплошь да рядомъ вознаграждаются десятками тысячъ.

3) Нужно дать арміи хорошій пенсіонный уставъ, въ родѣ того, который принятъ теперь въ Германіи. Выслуга пенсіи должна начинаться уже послѣ десяти лѣтъ службы и затѣмъ за каждый послѣдующій годъ слѣдуетъ прибавлять извѣстную долю до тѣхъ поръ, пока не будетъ выслуженъ полный окладъ. Такой пенсіонный уставъ дастъ возможность въ каждый данный моментъ, безъ всякаго сostраданія, удалять изъ арміи непригодныхъ для нея офицеровъ. При теперешнемъ же порядкѣ, когда выслуга пенсіи начинается лишь послѣ 25 лѣтъ, поневолѣ

приходится терпѣть на службѣ и неподходящій элементъ.

4) Рядомъ строго обдуманныхъ мѣръ необходимо гарантировать, насколько возможно, справедливость оцѣнки служебныхъ достоинствъ офицера, ограничивъ теперешнее единоличное усмотрѣніе начальства.

5) Дать достойнымъ строевымъ офицерамъ возможно быстрое служебное движеніе, для чего уничтожить привилегіи гвардіи, ограничить преимущества генеральнаго штаба и постановить, чтобы лица, разъ ушедшія изъ строя на какія-либо иныя должности, затѣмъ уже обратно въ строй возвращаться не могли.

6) Урегулировать скорость производства строевыхъ и нестроевыхъ офицеровъ такимъ образомъ, чтобы первые всегда имѣли преимущество. Установить положительнымъ закономъ, что никогда, нигдѣ и ни при какихъ условіяхъ нестроевой офицеръ не можетъ обогнать своихъ сверстниковъ, оставшихся въ строю.

7) Необходимо установить строгое соотвѣтствіе между чиномъ и должностью. Въ настоящее время всѣ нестроевыя должности занимаются лицами въ несообразно высокихъ чинахъ. Недавно еще мы видѣли: генералъ-

лейтенанта — смотрителемъ музея, другого генералъ - лейтенанта — учителемъ черченія, генералъ-маіора — библіотекаремъ и т. п. Въ прямое нарушеніе закона начальники отдѣленій разныхъ главныхъ управленій военнаго министерства производятся въ генералы; казначей—генералъ; смотритель зданій—тоже генералъ; въ послѣднее время инспектора классовъ въ кадетскихъ корпусахъ тоже повышены въ генералы и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Подобные порядки должны быть измѣнены, причемъ для каждой должности опредѣленъ извѣстный чинъ подобно тому, какъ это существуетъ въ строю.

8) Вывести столь глубоко укоренившееся въ русской арміи хамство, преслѣдуя не только дерзость младшаго по отношенію къ старшему, но также и всякую грубость начальника относительно подчиненнаго.

9) Съ возможною точностью опредѣлить тѣ результаты, кои желательно получить при обученіи роты, батальона, полка и другихъ строевыхъ частей. Въ дѣлѣ достиженія поставленныхъ цѣлей, т. е. въ способахъ и пріемахъ обученія предоставить строевымъ начальникамъ полную свободу. Контролю должны подлежать лишь результаты, при чемъ началь-

ники не имѣютъ права устанавливать какія-либо личныя требованія.

10) Снять военный мундиръ съ полиціи и жандармовъ, которые по роду своей службы ничего общаго съ арміей не имѣютъ. Переименовать въ гражданскіе чины тѣхъ офицеровъ и генераловъ, которые занимаютъ должности въ другихъ вѣдомствахъ, напримѣръ: въ министерствѣ двора, министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ государственномъ коннозаводствѣ, вѣдомствѣ учрежденій Императрицы Маріи и т. п.

11) Лишить отставныхъ офицеровъ права ношенія военной формы, ибо многіе изъ нихъ своимъ неопрятнымъ видомъ, несоотвѣтсвеннымъ родомъ занятій, а иногда даже и неприличнымъ поведеніемъ подрываютъ уваженіе къ мундиру; серьезный же контроль надъ ними на практикѣ невозможенъ. Нигдѣ нѣтъ того, чтобы лица, ушедшія со службы, носили форму. Даже германскіе офицеры, у которыхъ корпоративное чувство развито гораздо сильнѣе чѣмъ у нашихъ, при выходѣ въ отставку снимаютъ мундиръ. Кромѣ того, необходимо сократить число отставныхъ генераловъ. Въ настоящее время почти каждый воинскій начальникъ и смотритель провіантскаго мага-

зина увольняется въ отставку съ производствомъ въ генералъ-маіоры. На 1.400 генераловъ, состоящихъ въ Россіи на дѣйствительной службѣ, приходится чуть ли не 10 тыс. отставныхъ. Подобный маскарадъ подрываетъ значеніе генеральскаго чина. Полковниковъ, прослужившихъ извѣстное число лѣтъ, можно увольнять съ генеральскими пенсіями, но безъ производства въ генералы.

12) Ввести суды общества офицеровъ во всѣхъ тѣхъ корпораціяхъ и учрежденіяхъ военнаго вѣдомства, гдѣ служащіе носятъ военный мундиръ.

13) Слѣдуетъ значительно усилить для гражданскихъ лицъ судебную репрессію за оскорбленіе офицера или нижняго чина въ тѣхъ случаяхъ, когда будетъ доказано, что оно было направлено не противъ личности, а противъ званія военно-служащаго. При нахожденіи оскорбленнаго въ строю и вообще при исполненіи обязанностей службы наказаніе должно еще болѣе повышаться. Нужно установить тотъ взглядъ, что въ указанныхъ случаяхъ оскорбленіе наносится не извѣстному лицу, а правительственной власти. Съ другой стороны, слѣдуетъ безпощадно карать офи-

церовъ и солдать за всякое самоуправство по отношенію къ мирнымъ гражданамъ, особенно если оно сопряжено съ употребленіемъ оружія.

14) Необходимо до самаго крайняго предѣла ограничить случаи употребленія войскъ противъ гражданъ. По самой идеѣ армія, комплектуемая на началахъ всеобщей воинской повинности, есть учрежденіе государственное, а не орудіе господствующей политической партіи. Вслѣдствіе этого, разсуждая отвлеченно, вооруженную силу можно употреблять лишь противъ враговъ государства, а не противъ враговъ извѣстнаго режима. На практикѣ осуществленіе этого принципа въ полной мѣрѣ конечно трудно; но во всякомъ случаѣ нужно избавить армію отъ исполненія обязанностей полиціи. Войска слѣдуетъ вызывать не для того, чтобы они были зрителями разныхъ демонстрацій и уличныхъ безпорядковъ, подвергаясь при этомъ совершенно незаслуженнымъ оскорбленіямъ, а лишь при открытомъ возстаніи, когда правительство рѣшило дѣйствовать оружіемъ. Примѣняемый въ настоящее время способъ употребленія вооруженной силы приноситъ неисчислимый вредъ: онъ порождаетъ антаго-

низмъ между народомъ и арміей, пріучаетъ толпу не бояться войскъ, а въ этихъ послѣднихъ подрываетъ дисциплину и чувство воинскаго достоинства.

Изъ перечисленныхъ выше мѣръ 2-я и 3-я вызовутъ крупные расходы. Однако средства для нихъ найдутся въ предѣлахъ самого военнаго министерства. Для этого прежде всего можно сократить срокъ службы въ войскахъ на одинъ годъ, увеличивъ въ то же время на годъ срокъ пребыванія въ запасѣ. Вслѣдствіе этого военная численность арміи не измѣнится, мирная же численность уменьшится на цѣлый контингентъ (т. е. въ пѣхотѣ на одну четверть), что дастъ огромное уменьшеніе расходовъ.

Кромѣ того значительная экономія получится отъ указаннаго выше закрытія кадетскихъ корпусовъ.

Затѣмъ слѣдуетъ уничтожить разныя ненужныя учрежденія вродѣ фельдъегерскаго корпуса, всевозможныхъ комитетовъ и коммиссій; упразднить многочисленныхъ генераловъ, состоящихъ въ распоряженіи высшихъ военныхъ сановниковъ (при одномъ главномъ артиллерійскомъ управленіи ихъ около сотни); уничтожить должности бригаднаго коман-

дира въ пѣхотѣ и кавалеріи, дивизіонера въ артиллеріи и т. п.

Сокращеніе срока дѣйствительной службы на одинъ годъ нисколько не отразится на обученіи и воспитаніи войскъ, если только въ связи съ этимъ армія получитъ хорошій корпусъ офицеровъ и не менѣе какъ по шести надежныхъ, хорошо оплачиваемыхъ сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ на роту.

Въ случаѣ проведенія указанныхъ реформъ, въ составъ нашего офицерскаго корпуса будутъ попадать люди, получившіе не только законченное общее и прекрасное спеціальное образованіе, но—что еще важнѣе—чувствующіе призваніе къ военному дѣлу, свободно избравшіе его своею спеціальностью въ такомъ возрастѣ, когда наклонности человѣка уже вполнѣ опредѣлились.

При такомъ составѣ офицеровъ все дѣло подготовки войскъ въ мирное время и управленія ими на войнѣ приметъ совсѣмъ другой характеръ.

V.

Солдатъ.

Посреди развалинъ нашей старой военной системы, при паденіи несокрушимыхъ до тѣхъ поръ авторитетовъ, при полномъ банкротствѣ идей, еще недавно безспорныхъ, одно лишь стоитъ непоколебимо -- это мужество русскаго солдата.

Армія, которая неизмѣнно каждый разъ, въ самый разгаръ ожесточеннаго (для многихъ частей удачнаго) боя, получала приказаніе отступать, которой въ теченіе полутора лѣтъ прививали сознаніе безсилія передъ врагомъ, которая по большей части давно уже потеряла всякую вѣру въ своихъ начальниковъ и которая тѣмъ не менѣе, при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, до самаго конца войны сохранила полную боевую готовность—такая армія несомнѣнно должна отличаться исключительной нравственной упругостью.

Стойкость русскаго солдата тѣмъ болѣе замѣчательна, что онъ боролся за чуждые, совершенно непонятные для него интересы и что онъ все время находился подъ разла-

гающимъ вліяніемъ шедшей изъ Россіи пропаганды, убѣждавшей его не сражаться, а бѣгать и сдаваться въ плѣнъ, обѣщавшей ему всякія блага въ случаѣ неудачнаго исхода войны.

Несомнѣнно, что русскій солдатъ не уступаетъ въ храбрости даже такому единственному въ мірѣ противнику, какъ японецъ; зато онъ стоитъ гораздо ниже его по своему развитію.

Каждый японскій солдатъ грамотенъ, каждый читаетъ газету, чувствуетъ себя полноправнымъ гражданиномъ и знаетъ, за какіе именно интересы онъ борется. Въ ранцахъ убитыхъ японцехъ мы всегда находили: письма, записки, зачастую номеръ какой-нибудь газеты, иногда даже систематическій дневникъ. Унтеръ-офицеры кромѣ того имѣли справочную книжку, карту и набросанное собственноручно кроки расположенія своихъ войскъ и предполагаемыхъ позицій непріятеля. По всему было видно, что японскіе солдаты относились къ окружающему совершенно сознательно.

Наоборотъ, русскій солдатъ обыкновенно не зналъ, куда и зачѣмъ онъ идетъ, кто вправо отъ него и кто влѣво. Онъ шелъ, не разсуждая, не отдавая себѣ никакого отчета

въ окружающемъ, слѣпо повинуясь командѣ. Съ хорошими офицерами онъ дѣйствительно совершалъ чудеса храбрости; но картина тотчасъ же мѣнялась какъ только эти офицеры выбывали изъ строя, что въ современномъ бою явленіе нормальное.

Въ японской ротѣ отъ потери офицеровъ дѣйствія нисколько не пріостанавливались. Каждый солдатъ, зная задачу, поставленную его части, продолжалъ продвигаться впередъ, примѣнялся къ мѣстности, выбиралъ цѣли для стрѣльбы, поддерживалъ связь съ своими сосѣдями, однимъ словомъ сознательно стремился къ достиженію извѣстной цѣли. Ничего подобнаго не было у насъ. Какъ только изъ строя выбывали офицеры, рота, до тѣхъ поръ дѣйствовавшая молодецки, обыкновенно обращалась въ растерянное стадо, неспособное ни къ какимъ осмысленнымъ дѣйствіямъ.

Эта же безсознательность, проявлявшаяся даже у нѣкоторыхъ офицеровъ, была главною причиною тѣхъ частыхъ паникъ, которыя происходили въ эту войну. На моихъ глазахъ было нѣсколько такихъ случаевъ.

Напримѣръ, поздно вечеромъ 19 іюля, когда мой полкъ стоялъ бивакомъ у дер. Шань-Чжу, въ окрестностяхъ г. Хайчена, неожи-

данно послышалась частая ружейная стрѣльба въ нѣсколькихъ верстахъ къ востоку отъ насъ, гдѣ ночевали два стрѣлковыхъ полка. Вскорѣ стрѣлки начали прибывать къ нашему биваку сначала кучками, а потомъ цѣлыми толпами. Большинство ихъ было безъ всякаго снаряженія, нѣкоторые безъ сапогъ и даже безъ оружія. Находясь въ крайнемъ возбужденіи, они кричали, что японцы неожиданно напали на бивакъ ихъ бригады и большую часть ея перекололи. Вскорѣ прибыла конно-охотничья команда одного изъ этихъ полковъ съ двумя офицерами, которые подтверждали разсказъ нижнихъ чиновъ. Для человѣка, хоть сколько-нибудь отдающаго себѣ отчетъ въ окружающемъ, было ясно, что всѣ эти разсказы представляютъ сплошную нелѣпость: верстахъ въ пятнадцати впереди бивака стрѣлковъ были значительныя силы нашихъ войскъ, занимавшія всѣ горные перевалы; тамъ цѣлый день шелъ бой—слѣдовательно, непріятель никакъ не могъ появиться внезапно, тѣмъ болѣе, что бивакъ, сверхъ того, охранялся цѣпью сторожевыхъ постовъ. Однако, на возбужденную толпу никакія разъясненія не дѣйствовали. Я послалъ своихъ конныхъ охотниковъ разузнать о происшедшемъ. Черезъ

часъ возвратился начальникъ конно-охотничьей команды и доложилъ, что безпорядокъ, сопровождавшійся стрѣльбою и штыковой свалкой, произошелъ по недоразумѣнію, вслѣдствіе того, что два еврея отправились въ гаолянъ и, испугавшись чего-то, вдругъ выскочили оттуда съ криками «японцы». Между тѣмъ паника успѣла распространиться до самаго Хайчена, передалась въ обозы, парки и госпитали. Нѣсколько наиболѣе ошалѣвшихъ солдатъ бросилось къ поѣзду командующаго арміей. Генералъ Куропаткинъ вышелъ изъ вагона и успокаивалъ ихъ. По словамъ коменданта Хайчена во время этой паники пострадало около 150 человѣкъ.

Подобные случаи совершенно безпричинной паники немыслимы тамъ, гдѣ солдаты сознательно относятся къ окружающему, гдѣ они вѣрятъ въ предусмотрительность своихъ начальниковъ и гдѣ офицеры знакомятъ нижнихъ чиновъ (конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ) съ расположеніемъ своихъ и непріятельскихъ войскъ.

По физической крѣпости и выносливости современный русскій солдатъ уже не тотъ, какимъ онъ былъ хотя бы четверть вѣка тому назадъ. На немъ рѣзко сказалось непрерывное

обѣдненіе деревни и постепенное вырожденіе народа. За исключеніемъ сибиряковъ и жителей нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерній, запасные подъ сорокъ лѣтъ, то-есть въ томъ возрастѣ, когда нормальный человѣкъ отличается наибольшею силою, были уже стариками, мало способными къ перенесенію трудовъ боевой и походной жизни.

Въ смыслѣ характера — русскій солдатъ отличается замѣчательнымъ добродушіемъ. Если онъ только видитъ, что начальникъ заботится о томъ, чтобы онъ былъ всегда накормленъ и хорошо одѣтъ, то онъ платитъ ему за это горячею преданностью. Если же, сверхъ того, начальникъ держитъ себя молодцомъ въ бою и толково распоряжается своею частью, то преданность къ нему солдатъ обращается въ слѣпую фанатическую вѣру. Съ такимъ начальникомъ русскій солдатъ пойдетъ на какое угодно дѣло.

Что касается солдатъ другихъ народностей, входившихъ въ составъ русской арміи, то, какъ боевой матеріалъ, они въ общемъ уступали коренному населенію. Тѣмъ не менѣе въ рядахъ войскъ они сливались съ нимъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляли евреи. При мобилизаціи они употребляли всѣ

способы для того, чтобы уклониться отъ призыва: массами эмигрировали за границу, прибѣгали къ членовредительству и т. п. Согласно даннымъ, напечатаннымъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», изъ 59.262 евреевъ, призывавшихся къ исполненію воинской повинности въ послѣдней трети 1904 г., могло быть принято только 21.371 чел.!! Недоборъ пришлось пополнить христіанами. Попавъ на театръ войны, евреи обыкновенно старались устроиться на всевозможныя нестроевыя должности; если же это не удавалось, то симулировали разныя болѣзни, нарочно совершали преступленія, дезертировали или даже просто передавались непріятелю. Въ одной дивизіи за время съ 1-го апрѣля 1904 по 1-е іюля 1905 года, бѣжало 256 евреевъ; солдатъ всѣхъ другихъ національностей за то же время бѣжало только 8. Евреи, оставшіеся въ строю, обыкновенно очень дурно вліяли на товарищей и вслѣдствіе своей нервной натуры были главными распространителями всевозможныхъ паникъ. Конечно и между евреями попадались хорошіе солдаты, но они представляли единичныя исключенія, въ общемъ же еврейская національность, отличительными чертами которой являются — крайняя трусость и физическая

слабость, совершенно непригодна къ военной службѣ. Влить въ хорошую строевую часть большой процентъ евреевъ—это значитъ навѣрняка ее деморализировать.

По своему военному обученію русскій солдатъ значительно уступалъ японскому. Въ Японіи подготовка къ военной службѣ начинается задолго до поступленія въ ряды арміи. Уже въ начальныхъ школахъ обучаютъ дѣтей строю, а въ старшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній воспитанники должны знать сборку и разборку ружья. Параллельно съ этимъ весь народъ воспитывается въ строго національномъ, патріотическомъ духѣ. Въ Россіи, какъ извѣстно, военнаго обученія въ школахъ совсѣмъ нѣтъ, а воспитаніе ведется въ космополитическомъ направлсніи, при чемъ наша передовая интеллигенція всѣми мѣрами стремится внушить молодежи отвращеніе къ войнѣ и пренебреженіе къ военнымъ доблестямъ. Затѣмъ, въ Японіи обученіе солдата въ войскахъ имѣетъ въ виду исключительно боевыя цѣли, въ Россіи же преобладаютъ разныя мирныя требованія. Особенно плохо подготовленными оказались наши запасные, изъ коихъ люди старшихъ сроковъ службы не были даже знакомы съ винтовкой новаго образца.

Въ смыслѣ дисциплины нашъ солдатъ оставлялъ желать многаго. Выходя въ большинствѣ случаевъ изъ захолустной деревни, въ которой отсутствуетъ всякій правопорядокъ, или изъ деморализованной фабричной среды, онъ легко распускался, если только не чувствовалъ надъ собой постояннаго неослабнаго надзора. Этимъ объясняются тѣ случаи пьянства, буйства, грабежа и самовольной отлучки, которые наблюдались въ эту войну и которые въ командахъ запасныхъ, подъ вліяніемъ антиправительственной пропаганды, иногда переходили въ открытый бунтъ.

Въ мирное время дисциплина въ нашихъ войскахъ основывалась не столько на развитіи въ солдатѣ чувства долга, сколько на страхѣ наказанія. Офицеры, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, держались вдали отъ солдатъ, не имѣя на нихъ никакого нравственнаго вліянія. Постановка подъ ружье, нарядъ не въ очередь на службу, карцеръ, а въ крайнемъ случаѣ переводъ въ разрядъ штрафованныхъ и порка—вотъ каковы были главныя воспитательныя средства. Во время войны этихъ средствъ не оказалось: двухъ первыхъ мѣръ нельзя было примѣнять изъ опасенія сдѣлать людей неспособными къ походу и бою, кар-

церъ отсутствовалъ, а тѣлесныя наказанія были отмѣнены закономъ.

Въ мирное время мы не только не развивали въ нашемъ солдатѣ чувство собственнаго достоинства, но наоборотъ систематически его подавляли. Правда въ уставѣ говорилось, что «званіе солдата высоко и почетно». Однако на практикѣ солдатъ видѣлъ, что съ поступленіемъ на службу его зачисляли какъ бы въ низшую породу людей: для него сразу дѣлались недоступными вагоны и буфеты I и II классовъ, театральныя залы и другія мѣста, предназначенныя для чистой публики; на вывѣскахъ общественныхъ садовъ, куда онъ прежде могъ ходить безпрепятственно, онъ читалъ «входъ нижнимъ чинамъ воспрещается»; его не пускали во внутрь вагоновъ конокъ; въ нѣкоторыхъ городахъ онъ не имѣлъ даже права ходить по тротуарамъ!!... Ко всему этому присоединялись грубость отношеній на службѣ, зачастую безконтрольный произволъ, а иногда даже мордобитіе. Помню, что разъ, желая навести какую-то справку, я взялъ въ одной изъ ротъ унтеръ-офицерскую книжку. Перелистывая ее, я прочелъ на поляхъ противъ мѣста, гдѣ говорилось о высокомъ званіи солдата, сдѣланное кара-

кулями примѣчаніе: «Неправда, солдатъ есть послѣдній человѣкъ». Сколько горькой ироніи было въ этой замѣткѣ!! Опасаясь уронить престижъ власти, нашъ режимъ все время старается воздвигнуть какую-то китайскую стѣну между офицеромъ и солдатомъ, наивно думая, что въ этомъ-то и заключается дисциплина. Между тѣмъ, въ Японіи офицеры зачастую проводятъ свободное отъ службы время въ обществѣ нижнихъ чиновъ, иногда даже обѣдаютъ вмѣстѣ съ ними, и несмотря на это дисциплина въ японскихъ войскахъ несравненно строже, чѣмъ въ нашихъ.

Итакъ, сводя все сказанное вмѣстѣ, мы должны прійти къ заключенію, что во время послѣдней войны солдатъ русской арміи представлялъ въ общемъ лишь хорошій сырой матерьялъ, очень плохо обученный и совершенно необработанный соотвѣтствующимъ военнымъ воспитаніемъ.

Для того, чтобы выработать хорошаго солдата, Россія должна прежде всего создать благопріятную для этого общую обстановку. Современная народная армія не есть нѣчто самостоятельное и оторванное отъ общества, она является лишь вѣрнымъ отраженіемъ

физическихъ и духовныхъ качествъ своего народа. Когда рѣчь заходитъ о значеніи школы, у насъ любятъ ссылаться на примѣръ франко-прусской войны, гдѣ побѣдилъ германскій школьный учитель. Однако, эту безспорную истину въ Россіи понимаютъ слишкомъ узко. Германскій учитель побѣдилъ не только тѣмъ, что училъ молодежь грамотѣ и разнымъ наукамъ, а главнымъ образомъ потому, что, начиная отъ низшей школы и кончая университетомъ, онъ воспитывалъ ее въ національномъ, патріотическомъ духѣ, въ уваженіи къ военнымъ доблестямъ. Въ томъ же самомъ заключается и главная причина японскихъ побѣдъ.

До тѣхъ поръ, пока Россія не станетъ на этотъ путь, она не будетъ имѣть хорошаго солдата, а слѣдовательно и хорошей арміи, какія бы колоссальныя суммы на послѣднюю ни тратились.

Затѣмъ должна быть совершенно измѣнена вся система воспитанія солдатъ въ войскахъ. Новобранецъ, поступающій въ ряды арміи долженъ быть прежде всего (если онъ не прошелъ черезъ школу), обученъ грамотѣ и развитъ настолько, чтобы относиться къ своей службѣ совершенно сознательно. Только послѣ этого его слѣдуетъ обучать военному ремеслу. Парал-

лельно съ обученіемъ должно идти и нравственное воспитаніе солдата въ идеяхъ патріотизма, чувства долга, самопожертвованія, приверженности къ закону и порядку.

Съ цѣлью поощренія можно было бы установить, что тѣ изъ солдатъ, которые хорошо усвоили всѣ требованія военной службы, могутъ быть увольняемы въ запасъ и ранѣе опредѣленнаго закономъ полнаго срока выслуги.

Для того, чтобы обученіе и воспитаніе, полученныя на службѣ, впослѣдствіи не ослабѣвали, нужно, не довольствуясь періодическими сборами запасныхъ, широко распространить въ странѣ всевозможные военные союзы и стрѣлковыя общества, какъ это существуетъ во всѣхъ государствахъ Европы. Необходимо провести рѣзкую грань между строевымъ и нестроевымъ элементами въ войскахъ: они должны составить двѣ отдѣльныя категоріи, комплектуемыя независимо одна отъ другой. Строевой солдатъ долженъ знать одно лишь фронтовое дѣло и переводъ его въ нестроевые можетъ произойти только въ случаѣ обнаружившейся неспособности по рѣшенію особо назначенной комиссіи.

Евреи, въ общей своей массѣ, неспособные къ строевой службѣ, должны быть совер-

шенно отъ нея освобождены. Ихъ слѣдуетъ назначать въ нестроевыя команды, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ единичныхъ личностей, которыя сами пожелаютъ служить въ строю. При этомъ, для уравненія тягостей воинской повинности, еврейское населеніе должно быть обложено особымъ денежнымъ налогомъ.

Солдатамъ, чувствующимъ призваніе къ военному дѣлу, слѣдуетъ широко открыть путь къ служебному возвышенію. По окончаніи срока обязательной службы, ихъ слѣдуетъ помѣщать въ спеціальныя военныя школы, откуда выпускать въ войска уже унтеръ-офицерами. Такихъ хорошо оплачиваемыхъ унтеръ-офицеровъ въ каждой ротѣ должно быть не менѣе шести (считая и фельдфебеля). Наиболѣе даровитымъ и достойнымъ унтеръ-офицерамъ нужно всѣми мѣрами облегчать достиженіе офицерскаго званія посредствомъ соотвѣтствующаго экзамена. За боевыя заслуги унтеръ-офицеры могутъ производиться въ первый офицерскій чинъ и безъ экзамена, при чемъ по приведеніи арміи на мирное положеніе они должны сохранять свой новый чинъ и всѣ права дальнѣйшаго служебнаго движенія.

Необходимо какъ въ арміи, такъ и въ глазахъ народа поднять достоинство солдатскаго званія. Поступленіе на службу ни въ коемъ случаѣ не должно имѣть послѣдствіемъ разныя обидныя ограниченія въ общественной жизни. Офицеръ и нижній чинъ—члены одной военной семьи, разница между ними лишь въ степеняхъ служебной іерархіи. Внѣ службы солдатъ имѣетъ право находиться тамъ же, гдѣ бываетъ офицеръ. Подобная близость нисколько не подорветъ дисциплины; наоборотъ, при соотвѣтствующемъ поведеніи офицеровъ, она окажетъ на нижнихъ чиновъ облагораживающее вліяніе. Деньщицкая служба, пренебрежительное «ты», требованіе отъ солдатъ разныхъ личныхъ услугъ — всѣ эти остатки отживающихъ уже отношеній должны быть отмѣнены.

Въ связи съ этимъ офицерамъ нужно зорко слѣдить за приличнымъ поведеніемъ нижнихъ чиновъ, а законъ долженъ строго карать за малѣйшее нарушеніе дисциплины.

Вообще настало уже время отказаться отъ столь популярной у насъ легенды о преимуществахъ «святой сѣрой скотинки» и заняться воспитаніемъ сознающаго какъ свои обязанности, такъ и права гражданина-воина.

VI.

Тактика.

Несмотря на всѣ выгоды, представляемыя обороной (укрѣпленныя позиціи, измѣренныя разстоянія, укрытіе войскъ отъ огня и т. п.), истинное военное искусство всегда признавало наступленіе главнымъ видомъ боя. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда крайность заставляла прибѣгать къ оборонѣ, военное искуство требовало, чтобы оборона была активная, то-есть, что бы она являлась подготовкой для перехода въ рѣшительный моментъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ...

Главное преимущество наступленія передъ пассивной обороной заключается въ томъ, что наступающій все время держитъ въ своихъ рукахъ иниціативу, то-есть приводитъ въ исполненіе свой собственный планъ, подвергаясь при этомъ несравненно меньшимъ случайностямъ. Наоборотъ, слабость пассивной обороны—въ томъ, что обороняющійся всецѣло зависитъ отъ воли противника: ему приходится разгадывать его намѣренія и свое-

временно парировать ихъ, для него бой состоитъ изъ цѣлаго ряда неожиданностей. Кромѣ того, наступленіе обыкновенно подымаетъ моральныя силы войскъ, а оборона понижаетъ ихъ.

Вотъ причина, по которой современная теорія рекомендуетъ наступленіе даже слабѣйшей сторонѣ; вотъ почему уставы всѣхъ западно-европейскихъ армій проникнуты наступательной тенденціей, и все воспитаніе войскъ на Западѣ ведется въ наступательномъ духѣ.

Японцы, со свойственнымъ имъ яснымъ пониманіемъ дѣла, прочно усвоили эти идеи, тѣмъ болѣе, что онѣ вполнѣ отвѣчали смѣлому, полному иниціативы, характеру ихъ націи. Въ продолженіи всей кампаніи, начиная отъ неожиданнаго нападенія на Портъ-Артурскую эскадру и кончая Мукденомъ, японцы не выпускали иниціативы изъ своихъ рукъ. Даже въ тѣхъ двухъ случаяхъ, когда мы дѣлали попытки къ переходу въ наступленіе (Шахэ и Сандепу), японцы, разгадавъ наши намѣренія, тотчасъ же сами перешли къ контръ-атакамъ.

Безъ сомнѣнія и въ русской арміи понимали огромныя преимущества наступательнаго

образа дѣйствій. Однако использовать ихъ не удалось: во-первыхъ по причинѣ нашей неготовности къ войнѣ, а во-вторыхъ, вслѣдствіе отсутствія даровитаго полководца и хорошаго командного состава.

Затѣмъ, какъ въ Западной Европѣ, такъ и въ Японіи, еще въ мирное время (несмотря на полное признаніе той несомнѣнной истины, что успѣхъ на войнѣ зависитъ главнымъ образомъ отъ моральныхъ силъ) тщательно слѣдили за развитіемъ техники, стараясь использовать для военнаго искусства каждое изобрѣтеніе ея, примѣняя всѣ дѣйствія войскъ къ созданнымъ ею новымъ факторамъ.

Послѣ вооруженія армій магазинными ружьями, скорострѣльной артиллеріей и большимъ количествомъ пулеметовъ, всѣ военные уставы, начиная съ германскаго, выдвинули тотъ основной принципъ, что «бой пѣхоты рѣшается дѣйствіемъ огня». Этотъ принципъ не отвергаетъ штыка, но онъ смотритъ на него лишь какъ на исключительное средство, признавая, что при нормальныхъ условіяхъ бой будетъ начинаться и кончаться дѣйствіемъ огня. Во время послѣдней войны японцы, въ случаѣ необходимости, дрались и на штыкахъ,

но они прибѣгали къ этому оружію лишь тогда, когда имъ удавалось своимъ огнемъ совершенно подавить огонь противника, или когда вслѣдствіе условій обстановки (темная ночь, внезапное нападеніе и т. п.) стрѣльбы совсѣмъ нельзя было производить.

Признавъ, что центръ тяжести боя лежитъ въ огнѣ, а не въ штыкѣ, современная теорія сообразно съ этимъ измѣнила и самый способъ дѣйствія войскъ. Появились густыя стрѣлковыя цѣпи; первыя линіи резервовъ исчезли; наступленіе въ сферѣ огня стало производиться уже не цѣлыми частями по командѣ, а въ одиночку, гдѣ шагомъ, гдѣ бѣгомъ, а гдѣ и посредствомъ перепалзыванія. Отдѣльный солдатъ получилъ огромную самостоятельность: онъ продвигается впередъ, примѣняется къ мѣстности, выбираетъ цѣли для стрѣльбы, производитъ огонь, поддерживаетъ связь съ сосѣдями, однимъ словомъ сознательно стремится къ достиженію извѣстной цѣли. Даже въ резервахъ и тамъ передвиженіе отъ одного закрытія къ другому происходитъ въ одиночку.

При медленномъ развитіи боя, растягивающагося обыкновенно на нѣсколько дней,

наступающій зачастую прибѣгаетъ къ содѣйствію полевой фортификаціи, дабы закрѣпить за собою занятое пространство.

Съ изобрѣтеніемъ угломѣра артиллерія уже не располагается на высотахъ, а начинаетъ выбирать себѣ позиціи совершенно закрытыя, и только отдѣльные наблюдатели, да и то со всевозможными предосторожностями, помѣщаются на вершинахъ горъ.

Вслѣдствіе того, что при описанномъ способѣ наступленія достигается почти полная «пустота» поля сраженія (ибо нигдѣ не видно хоть сколько-нибудь значительныхъ цѣлей), поневолѣ приходится вмѣсто точнаго прицѣльнаго огня прибѣгать къ обстрѣливанію площадей, стараясь количествомъ выбрасываемаго металла вознаградить малую мѣткость.

При теперешнихъ растянутыхъ позиціяхъ и необычайной силѣ огня (что до крайности затрудняетъ дѣятельность ординарцевъ), для управленія войсками широко примѣняются телеграфъ, телефонъ и геліографъ.

Наконецъ, такъ какъ, несмотря на всѣ перечисленныя мѣры, фронтальное наступленіе все-таки представляетъ огромныя затрудненія, то прибѣгаютъ, гораздо чаще чѣмъ прежде, къ демонстраціямъ, охватамъ и об-

ходамъ, что придаетъ особое значенie подвижности войскъ.

Такова въ общихъ чертахъ та тактика, которая еще до войны была шагъ за шагомъ разработана въ Западной Европѣ и которую японцы съ такимъ блестящимъ успѣхомъ примѣнили на практикѣ.

Россія одна оставалась въ сторонѣ отъ этого общаго движенія. Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ въ нашей арміи непоколебимо царилъ авторитетъ покойнаго Драгомирова. Еще въ шестидесятые годы, выдвинувъ забытые Суворовскіе принципы, Драгомировъ, своей талантливой дѣятельностью, много способствовалъ разрушенію механическихъ формъ Николаевской системы воспитанія войскъ. Затѣмъ, въ послѣдующее время, онъ горячо возсталъ противъ тѣхъ матерьялистическихъ тенденцій, стремившихся умалить роль «духа» на войнѣ, которыя стали обнаруживаться въ военномъ дѣлѣ подъ вліяніемъ огромнаго прогресса техники. Однако, увлекаясь этой борьбой, Драгомировъ, какъ человѣкъ чрезвычайно страстный, постепенно впалъ въ другую крайность. Онъ сталъ считать техническія нововведенія не только дѣломъ совершенно второстепеннымъ, но до нѣкоторой степени даже

вреднымъ, такъ какъ, по его мнѣнію, они угашали духъ. Все это были, на его взглядъ, лишь «пустопорожнія усовершенствованія».

Когда было изобрѣтено магазинное ружье, то Драгомировъ горячо возсталъ противъ проекта перевооруженія нашей арміи. Вотъ что писалъ онъ по этому поводу: «Народился новый военный призракъ въ Европѣ—магазинныя ружья; Франція, Австрія, Германія и Италія приняли: не принять ли и намъ? По логикѣ Панургова стада ихъ принять слѣдуетъ: ибо если приняла Европа, какъ же не принять намъ? Вѣдь то Европа, вѣдь съ раннихъ лѣтъ учили насъ, что намъ безъ нѣмцевъ нѣтъ спасенія».

По мнѣнію Драгомирова, принявъ магазинныя ружья, «въ старшемъ классѣ (т. е. въ Европѣ) маху дали».

Сторонниковъ новаго оружія онъ называлъ пренебрежительно «огнепоклонниками».

Къ счастью, на этотъ разъ, восторжествовала «логика Панургова стада», и магазинныя ружья, хотя и съ значительнымъ опозданіемъ, были введены въ нашей арміи. Хороши бы мы были, если бы при всѣхъ остальныхъ нашихъ недостаткахъ вышли на войну еще и съ однозряднымъ ружьемъ!!

Затѣмъ, съ появленіемъ скорострѣльной артиллеріи, Драгомировъ возсталъ и противъ нея, что было одной изъ причинъ, почему русская армія такъ поздно (нѣкоторыя части только во время войны) получила новыя орудія. Это обстоятельство лишило нашихъ артиллеристовъ возможности заблаговременно ознакомиться со свойствами скорострѣльной пушки и, кромѣ того, вслѣдствіе задержки перевооруженія, наша артиллерія осталась на время войны безъ ударнаго снаряда, что сдѣлало ее безсильной противъ всякаго рода естественныхъ закрытій.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ армій, у насъ былъ поднятъ вопросъ о щитахъ для артиллеріи, то Драгомировъ подвергъ авторовъ этого проекта посмѣянію, давъ имъ презрительную кличку «щитопоклонники» и упрекая въ томъ, что у нихъ ужъ очень сильно «говоритъ шкура». На это генералъ Войде остроумно возразилъ, что предложеніе щита столь же мало свидѣтельствуетъ о трусости автора, сколь отрицаніе его доказываетъ храбрость критика. Между тѣмъ во время войны лучшіе наши артиллеристы говорили мнѣ, что щитъ былъ бы весьма полезенъ для артиллеріи.

Относительно пулеметовъ, получившихъ еще до послѣдней войны такое широкое распространеніе въ европейскихъ и японской арміяхъ, генералъ Драгомировъ говорилъ: «я считаю пулеметы нелѣпостью въ полевой арміи нормальнаго состава». Вслѣдствіе такого категорическаго и авторитетнаго заключенія, русская армія выступила на войну безъ пулеметовъ. Однако, испытавъ на себѣ огромную силу этого новаго оружія, мы стали ихъ поспѣшно выписывать, даже на экономическія суммы полковъ, но, къ сожалѣнію, было уже поздно.

Наконецъ, про телеграфъ и телефонъ, безъ коихъ, при современныхъ условіяхъ, было бы чрезвычайно трудно управлять большими массами войскъ и особенно руководить стрѣльбою артиллеріи, генералъ Драгомировъ говоритъ, что они «суть средства только вспомогательныя, а главнымъ орудіемъ какъ для донесеній, такъ и для передачи приказаній всегда останутся живые люди, т. е. ординарцы».

Однимъ словомъ, какое бы новое изобрѣтеніе техники ни появилось въ военномъ дѣлѣ, Драгомировъ всегда возставалъ противъ него. Вмѣсто того, чтобы пользоваться новыми матеріальными факторами для облегченія

работы духа, онъ всегда противополагалъ матерію и духъ, какъ двѣ враждебныя силы.

То же направленіе сказалось и въ обученіи войскъ. Основной принципъ Драгомирова заключался въ томъ, что въ бою огонь есть лишь средство подготовительное, рѣшающая же роль принадлежитъ штыку.

По его мнѣнію: «первѣйшая забота всякаго начальника въ огневой періодъ боя это — сбереженіе резервовъ къ періоду свалки».

Весьма естественно, что войска, получившія такое воспитаніе, все время стремились, какъ можно скорѣе, сойтись на штыкъ, и расплачивались за эти порывы колоссальными потерями.

Драгомировъ училъ, что при наступленіи боевой порядокъ долженъ состоять изъ рѣдкой цѣпи, которой должно быть воспрещено ложиться, а тѣмъ болѣе окапываться, и изъ слѣдующихъ непосредственно за нею сильныхъ частныхъ резервовъ.

Даже послѣ опыта войны, въ одной изъ своихъ послѣднихъ статей, Драгомировъ повторилъ: «Я былъ всегда убѣжденъ, что при наступленіи цѣпь должна быть рѣдка; во-вторыхъ, нс должна никогда ложиться. Это мое убѣжденіе высказываю здѣсь еще разъ,

хотя и знаю, что это ни къ чему не поведетъ, такъ какъ противно инстинкту самосохраненія». И далѣе: «Долго придется наступать части, если она поползетъ на брюхѣ съ разстоянія 3—4 верстъ (никто и не говоритъ о томъ, что нужно все время ползти), да еще по дорогѣ будетъ окапываться! Очень ужъ сильно шкура говоритъ у господъ, проводящихъ подобныя нелѣпости».

Прибывъ на театръ войны, новыя войска обыкновенно начинали съ примѣненія указанныхъ Драгомировскихъ пріемовъ; но затѣмъ, послѣ перваго же сраженія, отказывались отъ нихъ: рѣдкія цѣпи, даже производя самый частый огонь, оказывались неспособными бороться съ тѣмъ ураганомъ свинца, который выпускалъ непріятель; ближніе резервы, не принимая никакого участія въ огнестрѣльномъ бою, тѣмъ не менѣе несли огромныя потери; цѣпь, исполнявшая приказанія начальства никогда не ложиться, обыкновенно очень скоро ложилась вся, но уже для того, чтобы болѣе никогда не вставать...

Передъ войной у насъ было принято располагать батареи на высотахъ. Однако, узнавъ изъ горькаго опыта, что такой способъ расположенія артиллеріи ведетъ къ вѣрному ея

уничтоженію, наши артиллеристы перешли къ закрытымъ позиціямъ и къ стрѣльбѣ при помощи угломѣра.

По отношенію къ ружейному огню руководящимъ правиломъ Драгомирова было стрѣлять рѣдко да мѣтко. Съ этою цѣлью онъ совѣтовалъ привить солдату убѣжденіе, что не только въ сомкнутомъ строю, но и въ цѣпи «онъ не можетъ самъ распоряжаться своимъ огнемъ». По наставленію Драгомирова начальники въ цѣпи должны все время руководить стрѣлками въ выборѣ цѣлей и въ опредѣленіи разстояній; имъ предписывается, по возможности, назначать «мгновенія для выстрѣла»; наконецъ, они должны приказывать прекращать огонь, когда результаты его не окупаются тратой патроновъ; короче, рекомендуется лишить стрѣлковъ почти всякой самостоятельности.

Затѣмъ Драгомировъ училъ, что не стоитъ открывать одиночный огонь: по отдѣльнымъ людямъ—дальше, чѣмъ на 400 шаговъ, по кучкамъ—дальше, чѣмъ на 800 шаговъ, а на разстоянія еще большія слѣдуетъ стрѣлять только по массамъ и притомъ преимущественно залпами.

Если въ точности исполнять это наставленіе,

то при теперешнихъ условіяхъ пришлось бы почти совсѣмъ не стрѣлять, предоставивъ непріятелю возможность безнаказанно къ намъ приближаться.

Одинъ ротный командиръ, кажется изъ усердныхъ учениковъ Драгомирова, очень картинно описываетъ свое критическое положеніе: «Уже за двѣ версты отъ противника потери отъ огня дѣйствительны. Объ этомъ убѣдительно и наглядно говоритъ убыль въ ротѣ, а уже за одну версту огонь ружейный достигаетъ огромной силы. Что же дѣлать, если слѣдовать нашему уставу—не открывать огня съ дальнихъ дистанцій? Противникъ не признаетъ нашего устава и засыпаетъ огнемъ. Стрѣлять по крупнымъ цѣлямъ? Но гдѣ эти крупныя цѣли, когда никого и ничего не видно?...»

Дѣйствительно, какая дерзость: японцы осмѣливаются игнорировать нашу доморощенную тактику!!

Впрочемъ очень скоро и мы ее отвергли. По крайней мѣрѣ полкъ, въ которомъ находился указанный выше ротный командиръ, въ сраженіи подъ Ляояномъ, выпускаетъ уже милліонъ двѣсти тысячъ патроновъ; также дѣйствуютъ и другія, уже обстрѣлянныя части.

Въ концѣ-концовъ, подъ вліяніемъ кровавыхъ уроковъ, всѣ наши войска начали понемногу усваивать себѣ японскій способъ дѣйствій, то-есть ту тактику, которая еще до войны была выработана въ Западной Европѣ.

Принятіе этой тактики не помѣшало намъ, когда нужно, ходить и въ штыки, какъ это показываетъ хотя бы примѣръ зарайцевъ и моршанцевъ, которые въ темную ночь, съ 28 на 29 сентября, послѣ жестокаго рукопашнаго боя, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, овладѣли укрѣпленной деревней Ендоу-ни-улу.

Любопытно выяснить относительное значеніе каждаго изъ трехъ родовъ оружія въ современныхъ сраженіяхъ.

Господствующая роль безспорно принадлежитъ пѣхотѣ: на нее падаетъ почти вся тяжесть боя; она наноситъ непріятелю главное пораженіе и сама несетъ при этомъ колоссальныя потери, иногда доходящія почти до полнаго уничтоженія цѣлыхъ частей.

Артиллерія является для пѣхоты серьезнымъ вспомогательнымъ средствомъ, хотя потери отъ ея огня въ нѣсколько разъ слабѣе убыли отъ ружейныхъ пуль. Что касается ея соб-

ственныхъ потерь, то общій процентъ ихъ за всю кампанію несравненно ниже, чѣмъ въ пѣхотѣ.

Роль кавалеріи, въ сферѣ тактики, въ настоящее время весьма невелика. Постепенное усовершенствованіе огнестрѣльнаго оружія совершило свое дѣло. Въ эпоху Фридриха Великаго кавалерія безраздѣльно царила на поляхъ сраженій; въ эпоху Наполеона I она иногда рѣшала участь битвъ; во время Франко-Прусской кампаніи ей еще удавалось, хотя и цѣной огромныхъ потерь, на короткое время задерживать наступленіе пѣхоты; въ послѣднюю же войну ни въ одномъ сраженіи не было даже ни одной атаки въ конномъ строю.

Говорятъ, что во время второго рейда генерала Мищенко кавалеріи гдѣ-то удалось разсѣять пѣхотное прикрытіе японскаго обоза и что одна казачья сотня едва не взяла японскую батарею. Однако, принимая указанные факты на вѣру, все-таки приходится признать, что они представляютъ лишь частные эпизоды, ничтожныя стычки, изъ коихъ смѣшно дѣлать общій выводъ о боевой роли кавалеріи.

Вопреки ученію Драгомирова, трезвая дѣйствительность показываетъ, что кавалерійскія

массы уже не находятъ себѣ болѣе примѣненія въ современныхъ сраженіяхъ: во-первыхъ, потому, что при описанной выше пустотѣ полей битвъ, кавалеріи не представляется никакихъ сомкнутыхъ частей для удара, а во-вторыхъ, оттого, что при теперешней силѣ огня, каждый появившійся эскадронъ будетъ немедленно уничтоженъ.

Во время сраженія кавалерія обыкновенно ограничивается наблюденіемъ за флангами, а послѣ побѣды ея задача должна состоять въ преслѣдованіи разбитыхъ непріятельскихъ войскъ, что вноситъ панику въ отступающія колонны и особенно обозы противника.

На театрѣ войны, конечно при особо благопріятной обстановкѣ, кавалерія можетъ сильно безпокоить непріятеля, дѣлая быстрые набѣги на его коммуникаціонныя линіи.

Что касается развѣдывательной службы, то при существующихъ условіяхъ кавалеріи чрезвычайно трудно проникнуть въ глубь расположенія противника. Японская армія обыкновенно прикрывала себя цѣлой сѣтью небольшихъ сторожевыхъ отрядовъ, состоявшихъ изъ пѣхоты и кавалеріи, къ которымъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были приданы орудія. Эти отряды занимали господствующія вер-

шины, узлы дорогъ и важнѣйшія деревни. Такимъ образомъ японская армія была прикрыта какъ бы завѣсой, прорвать которую, при современной дальности и дѣйствительности ружейнаго огня, нашей кавалеріи не удавалось, вслѣдствіе чего группировка и передвиженія японскихъ войскъ (позади этой завѣсы) оставались для нея тайной. При подобной обстановкѣ важнѣйшія свѣдѣнія доставлялись не кавалеріей, а шпіонами. Японцы почти не имѣли кавалеріи, а между тѣмъ, благодаря искусной организаціи шпіонской службы, были всегда прекрасно освѣдомлены о нашемъ положеніи.

Общая убыль русской кавалеріи за послѣднюю войну выражается въ совершенно ничтожныхъ цифрахъ, да и эти потери она понесла по большей части тогда, когда дѣйствовала въ пѣшемъ строю.

Современная тактика, придающая, какъ сказано выше, огромное значеніе подвижности, выдвигаетъ на сцену новый родъ войскъ, которому въ будущемъ суждено играть крупную роль—ѣздящую пѣхоту.

Зачаткомъ ея являются наши конно-охотничьи команды, оказавшія во время войны такія неоцѣнимыя услуги. Обладая подвиж-

ностью кавалеріи и вмѣстѣ съ тѣмъ полной способностью вести бой въ пѣшемъ строю, ѣздящая пѣхота можетъ быть чрезвычайно полезна во многихъ случаяхъ войны и особенно для дѣйствій на фланги и тылъ непріятеля.

Въ заключеніе этой статьи мнѣ остается сказать слѣдующее:

Огромныя потери, которыми въ настоящее время сопровождается наступленіе пѣхоты; чрезвычайная продолжительность теперешнихъ сраженій; большая самостоятельность рядового бойца, надолго выходящаго изъ-подъ надзора офицера, — все это требуетъ отъ солдата особаго мужества и развитія.

Съ другой стороны, современный начальникъ, въ несравненно большей степени чѣмъ прежде, долженъ обладать умѣніемъ маневрировать, иначе даже большой численный перевѣсъ не дастъ успѣха, а поведетъ лишь къ напраснымъ потерямъ.

Однимъ словомъ, наперекоръ господствовавшему до сихъ поръ во всѣхъ арміяхъ теченію, современная тактика выдвигаетъ на первый планъ не количество, а качество войскъ.

VII.

Академія генеральнаго штаба.

Въ Россіи нѣтъ высшаго учебнаго заведенія, которое было бы поставлено въ такія исключительно благопріятныя условія въ смыслѣ предварительной подготовки слушателей, обстановки преподаванія и матеріальныхъ средствъ, какъ академія генеральнаго штаба.

Огромныя служебныя преимущества, которыми пользуются офицеры этой корпораціи не только въ арміи, но и въ другихъ сферахъ государственной службы, вызываютъ большой наплывъ желающихъ поступить въ академію. За исключеніемъ сравнительно малаго числа офицеровъ съ образованіемъ юнкерскаго училища, огромное большинство поступающихъ прошло курсъ средней школы и затѣмъ военнаго училища, а нѣкоторые офицеры имѣютъ дипломы высшихъ учебныхъ заведеній, военныхъ и гражданскихъ. Вся эта масса, обыкновенно раза въ три превосходящая число имѣющихся въ академіи вакансій, независимо отъ полученнаго ею образованія, подвергается

конкурсному экзамену изъ полнаго курса кадетскаго корпуса и военнаго училища.

Такимъ образомъ, для поступленія въ академію офицеръ уже въ зрѣломъ возрастѣ, снова и основательно, проходитъ весь среднеобразовательный курсъ.

Благодаря подобному порядку, академія получаетъ контингентъ слушателей съ такой серьезной подготовкой, которой далеко не имѣютъ студенты нашихъ университетовъ. Офицеръ генеральнаго штаба, пишущій съ ошибками, неумѣющій связно выражать своихъ мыслей, незнающій географіи и т. п., невозможенъ, между тѣмъ какъ, по авторитетному свидѣтельству статсъ-секретаря Муравьева и предсѣдателей всѣхъ судебныхъ учрежденій имперіи, лица, окончившія наши юридическіе факультеты, даже послѣ пятилѣтнихъ практическихъ занятій при судахъ, зачастую отличаются широкою безграмотностью во всѣхъ смыслахъ этого слова.

Затѣмъ, обстановка преподаванія въ академіи не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что происходитъ въ стѣнахъ другихъ учебныхъ заведеній. Офицеры являются въ академію съ серьезнымъ желаніемъ работать. Зная, что изъ числа поступившихъ по конкурсному экза-

мену всего около трети попадетъ впослѣдствіи въ генеральный штабъ, они трудятся изо всѣхъ силъ, чтобы оказаться въ числѣ немногихъ избранныхъ. Кромѣ того, слушатели академіи люди дисциплинированные, пріученные къ порядку.

Наконецъ, что касается денегъ, то правительство, хорошо понимая огромное значеніе академіи для арміи, не жалѣетъ на нее матеріальныхъ средствъ.

Итакъ, академія генеральнаго штаба получаетъ въ свое распоряженіе хорошо подготовленный составъ слушателей, проникнутыхъ самымъ искреннимъ желаніемъ работать, совершенно спокойную обстановку для научныхъ занятій и богатыя матеріальныя средства.

Какъ же пользуется она этими исключительными условіями?

Прежде всего каждаго поражаетъ безсистемность академическаго преподаванія. Программы всякаго учебнаго заведенія и особенно высшей профессіональной школы должны быть строго обдуманы, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ. Выборъ наукъ для изученія, объемъ преподаванія, не только каждой изъ нихъ, но даже различныхъ научныхъ

отдѣловъ, все это должно вытекать изъ извѣстной руководящей идеи, составлять въ совокупности цѣльную учебную систему.

Ничего подобнаго мы не видимъ въ академіи. Попадетъ туда «трудолюбивый» профессоръ и на практикѣ никто не препятствуетъ ему искусственно раздувать свой курсъ, включая въ него всевозможныя свои «произведенія» и обременяя память учащихся совершенно нелѣпыми деталями; нѣтъ въ академіи соотвѣтствующаго специалиста и самые важные отдѣлы совсѣмъ не изучаются. Напримѣръ, курсъ исторіи военнаго искусства въ эпоху первой революціи переполненъ подробностями въ родѣ слѣдующихъ: «Рыжебурыя и свѣтло-чалыя лошади не принимались вовсе въ нѣмецкую кавалерію». — «Ростъ лошадей указывался для шеволежернаго полка отъ 14 фаустъ (0,344 фт.) 3 д. до 15 фаустъ, для гусарскихъ полковъ отъ 14 фаустъ 2 д. до 14 фаустъ 3 дюймовъ». — «Въ среднемъ на день отпускалось верховой кавалерійской лошади 7,691, а военно-упряжной лошади 3,841 килограммовъ овса». — «Шеволежеры имѣли травяно-зеленые мундиры и лейбель съ пунцово-красною подкладкою и такими же выпушками». — «Гренцгусары носили вмѣсто

долмана весту съ рукавами изъ травянозеленаго сукна съ крапово-красными отворотами и безъ шнуровъ». (??!!).

Наряду съ этимъ въ академіи до послѣдняго времени, въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, совсѣмъ не изучали русскаго военнаго искусства. Только съ 1894 года начали понемногу вводить въ курсъ различные отдѣлы этого предмета, но и по сіе время еще не возвысились до Отечественной войны, которая пока еще остается въ проектѣ.

Такимъ образомъ офицеры выходили изъ академіи, зазубривъ разныя глупости изъ революціонной эпохи и не имѣя никакого понятія о Суворовѣ и Кутузовѣ!!

Бывшій начальникъ академіи генералъ Лееръ неоднократно говорилъ мнѣ, что наши курсы военнаго искусства представляютъ огромную мусорную кучу, куда каждый несетъ свои отбросы. Къ сожалѣнію, покойный Лееръ, при всѣхъ своихъ заслугахъ, отличался полнѣйшей безхарактерностью и потому не только не вымелъ накопившагося мусора, но наоборотъ напустилъ въ академію такихъ «ученыхъ», которые окончательно ее засорили.

Если въ такомъ хаотическомъ состояніи находится фундаментъ—главная основа ака-

демическаго преподаванія, то какой же системы можно ожидать отъ такъ называемыхъ второстепенныхъ предметовъ!

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ изъ общеобразовательныхъ наукъ въ академіи проходили астрономію, геологію и исторію XIX вѣка; потомъ въ разное время пробовали ввести психологію, славяновѣдѣніе и международное право; въ настоящее время отъ всего этого осталась лишь исторія XIX вѣка, но зато изучаются государственное право, исторія Россіи и иппологія. Почему выбирались именно эти, столь мало имѣющія между собою общаго, науки; почему они смѣняли другъ-друга—остается непонятнымъ.

Затѣмъ, каждаго поражаетъ оторванность академіи отъ жизни. Въ то время, какъ всѣ высшія военныя школы Европы идутъ во главѣ быстро развивающагося военнаго дѣла, наша академія какъ бы замерла въ своихъ отжившихъ, неподвижныхъ формахъ.

Офицеровъ заставляли заучивать переправы на какой-нибудь давно пересохшей рѣчкѣ, запоминать количество барановъ и свиней, приходящихся на одну квадратную версту въ Галиціи, а между тѣмъ никто не позаботился познакомить ихъ, хоть въ самыхъ об-

щихъ чертахъ, съ Манчжуріей, гдѣ русской арміи въ дѣйствительности пришлось вести войну. Слушателей академіи спрашивали о томъ, сколько золотниковъ соли на человѣка возится въ различныхъ повозкахъ германскаго обоза, какимъ условіямъ должна удовлетворять ремонтная лошадь во Франціи; но организація японской арміи оставалась для насъ тайной до такой степени, что передъ моимъ отправленіемъ на войну главный спеціалистъ по этому предмету категорически заявилъ мнѣ, что Японія не можетъ выставить въ Манчжуріи болѣе 150 тысячъ человѣкъ. Занимаясь пустословіемъ о воображаемой тактикѣ Чингисъ-хана и фантастической стратегіи Святослава, академическіе профессора, въ продолженіе цѣлой четверти вѣка, не успѣли даже критически изслѣдовать нашу послѣднюю турецкую войну, ошибки коей мы съ точностью повторили теперь на поляхъ Манчжуріи. Слѣдуя раболѣпно и подобострастно, но безъ всякаго смысла и разсужденія въ хвостѣ Драгомирова, представители нашей оффиціальной военной науки прозѣвали тѣ новые пріемы военнаго искусства, которые подъ вліяніемъ усовершенствованій техники зародились на западѣ. По справед-

ливому замѣчанію извѣстнаго французскаго писателя генерала Негріе: «Русская армія не захотѣла воспользоваться ни однимъ урокомъ послѣднихъ войнъ». Вообще, академія генеральнаго штаба, вмѣсто того, чтобы служить проводникомъ новыхъ идей въ войска, все время упорно отворачивалась отъ жизни, пока сама жизнь не отвернулась отъ нея.

Однако, безсистемность академической программы и отсталость отдѣльныхъ курсовъ являются несравненно меньшимъ зломъ, чѣмъ тѣ методы преподаванія, которые господствуютъ въ академіи.

Отъ начальника въ бою главнымъ образомъ требуются: здравый смыслъ, инициатива и твердый характеръ.

Все академическое преподаваніе, весь режимъ академіи поставлены такъ, что эти рѣдкіе дары природы систематически ослабляются.

Здравый смыслъ затемняется схоластическимъ способомъ изложенія науки. Военное искусство — дѣло живое и практическое, а потому теорія его, вмѣсто того, чтобы витать въ облакахъ метафизики, должна находиться въ постоянномъ и непрерывномъ общеніи съ жизнью, должна быть краткой и ясной. Въ изложеніи талантливаго, дѣйствительно зна-

ющаго дѣло специалиста самые сложные вопросы являются простыми и понятными. Наоборотъ, жалкая бездарность, соединенная съ отсутствіемъ настоящихъ живыхъ знаній, обыкновенно старается свои убогія мысли облекать въ трудно-доступныя пониманію формы, наивно полагая, что въ этомъ-то и заключается ученость.

Такимъ именно характеромъ отличается большинство академическихъ руководствъ по военному искусству: самыя простыя вещи расписаны на многихъ страницахъ; для доказательства очевидныхъ истинъ призваны на помошь философія, психологія и другія науки; часто встрѣчаются ссылки на первоисточники и архивы, которыми авторы безусловно не пользовались; классификація доходитъ до каррикатуры, сводя изложеніе каждаго вопроса къ безчисленному множеству искусственно придуманныхъ пунктовъ. Даже цѣльное человѣческое существо и то въ академіи генеральнаго штаба расчленили на единичнаго человѣка, массоваго человѣка, волевого человѣка, умоваго человѣка, духовнаго человѣка, физическаго человѣка», и все это только для того, чтобы потомъ изъ всего этого винигрета составить какую-то «коллективную единицу

человѣка», свободную отъ «духовно-волевыхъ погрѣшностей».

Напримѣръ, вотъ какъ излагается въ академическомъ учебникѣ простой и совершенно понятный вопросъ объ организаціи войскъ:

«Свойство природы боя, какъ явленія стихійно-волевого, значеніе между орудіями, элементами боя — человѣка, господство его въ серіи этихъ элементовъ, огромное преобладающее значеніе и вліяніе въ бою моральнаго элемента, духовной стороны главнаго орудія боя человѣка — все это, въ общей совокупности, указываетъ, что духовно-волевая сторона человѣка, какъ единичнаго, такъ и массоваго, должны лечь въ основаніе всѣхъ вопросовъ воспитанія и обученія, а равно и вопроса составленія коллективной единицы человѣка, то-есть въ организаціи массоваго человѣка, массъ, въ организаціи отрядовъ, то-есть вообще во всѣхъ вопросахъ организаціонныхъ».

Вмѣсто того, чтобы просто сказать, что преимущества наступающаго надъ обороняющимся заключаются въ выгодахъ иниціативы и въ подъемѣ духа войскъ, академическій профессоръ выражается такъ:

«О превосходствѣ наступленія надъ оборо-

ной можно составить себѣ понятіе, имѣя въ виду отношеніе $\frac{MV^2:2}{mv^2:2}=\frac{MV^2}{m}$, гдѣ M и m соотвѣтствуютъ элементу матеріальному армій наступающаго и обороняющагося, а U и v элементу духовному тѣхъ же армій, причемъ v приходится принять равнымъ единицѣ».

Почему нужно имѣть въ виду именно это отношеніе, а не любое иное, почтенный «ученый» не объясняетъ.

Для того, чтобы выяснить причину побѣды Аэція въ Каталаунской битвѣ приводится формула $\frac{a(2+1/m+1/n)}{1+1/p.}$, происхожденіе которой является столь же загадочнымъ, какъ и предыдущей.

Подобный схоластическій методъ преподаванія приноситъ неисчислимый вредъ, потому что пріучаетъ будущаго офицера генеральнаго штаба подходить къ рѣшенію каждаго практическаго вопроса не прямо и просто, а посредствомъ разныхъ сложныхъ умозаключеній. Вмѣсто практическихъ дѣятелей онъ воспитываетъ доктринеровъ, которые для военнаго дѣла несравненно опаснѣе круглыхъ невѣждъ.

Затѣмъ, второе качество, необходимое для начальника на войнѣ,—сознательная, не боящаяся отвѣтственности иниціатива, безжалостно подавляется въ академіи.

Отвѣчая на экзаменахъ, офицеръ долженъ точно придерживаться учебника; высказать какой-нибудь самостоятельный взглядъ, противоположный взгляду профессора, гораздо опаснѣе, чѣмъ совсѣмъ не знать вопроса.

Даже при разработкѣ такъ называемыхъ темъ (предполагающихъ самостоятельный трудъ) офицеръ поставленъ въ необходимость думать не о составленіи по изслѣдуемому вопросу своего собственнаго мнѣнія, а о томъ, чтобы какъ-нибудь не разойтись во взглядахъ съ своими опонентами, что столь легко въ такой неточной области знанія, какъ военное искусство. Тема готовится спеціально для извѣстныхъ оппонентовъ. Если оппоненты мѣняются, то она немедленно передѣлывается зачастую въ діаметрально-противоположномъ смыслѣ.

Самый разборъ темъ совсѣмъ не имѣетъ характера научнаго собесѣдованія, а скорѣе похожъ на тѣ замѣчанія, которыя придирчивый начальникъ дѣлаетъ своему подчиненному послѣ строевого смотра. Оправданіе еще иногда допускается, но возраженіе считается нарушеніемъ дисциплины.

Наконецъ твердость характера—третье основное качество для будущаго боевого началь-

ника—расшатывается гнетомъ того полицейскаго режима, который господствуетъ въ академіи.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ мои учебные годы, тамъ безраздѣльно царилъ полнѣйшій и безконтрольный произволъ. Намъ не считали даже нужнымъ сообщать отдѣльные баллы за занятія дополнительнаго курса, отъ которыхъ почти исключительно зависѣла наша судьба; ограничивались тѣмъ, что по окончаніи всего академическаго курса дѣлопроизводитель по учебной части читалъ окончательные средніе баллы и на основаніи ихъ объявлялъ, кто изъ офицеровъ причислялся къ генеральному штабу и кто возвращался обратно въ свою часть. Путемъ какихъ математическихъ выкладокъ получался этотъ, опредѣляющій всю будущую карьеру офицера, средній баллъ—намъ было неизвѣстно. Это оставалось тайной академической канцеляріи!!

Для офицера, обучавшагося въ академіи, не только начальникъ ея, но и дѣлопроизводитель по учебной части, профессора, штабъ-офицеры, преподаватели, отчасти даже выслужившіеся изъ писарей чиновники,—все это было начальство, отъ котораго въ извѣстной степени зависѣла будущность. Въ отноше-

ніяхъ административнаго и учебнаго персонала къ учащимся проявлялась чрезвычайная грубость, такое хамство, которое возмущало даже нашего забитаго, неизбалованнаго особой куртуазіей армейскаго офицера. Съ этимъ дисциплинарнымъ гнетомъ была крѣпко связана система негласнаго надзора, доносовъ и анонимныхъ писемъ. Однимъ словомъ, академія моего времени представляла какое-то причудливое сочетаніе дисциплинарнаго баталіона съ іезуитской коллегіей.

Съ тѣхъ поръ, нѣкоторыя частности измѣнились, но люди опытные говорятъ, что далеко не всегда въ лучшую сторону.

Полная неувѣренность въ своей судьбѣ, часто оскорбляемое самолюбіе и постоянное состояніе боязни чрезвычайно вредно вліяютъ на нервную систему. Къ этому присоединяется переутомленіе, какъ послѣдствіе непомѣрно разросшихся, ложащихся почти исключительно на память, академическихъ курсовъ и массы совершенно ненужныхъ практическихъ работъ. Въ результатѣ мы видимъ въ академіи: обмороки во время экзаменовъ, душевныя болѣзни, а иногда и случаи самоубійства. Я припоминаю одинъ особенно неудачный годъ, когда въ академіи произошло

семь или восемь несчастныхъ случаевъ. На указанный фактъ обратили вниманіе даже иностранцы. Такъ, въ справочномъ нѣмецкомъ изданіи Цеппелина прямо сказано, что большинство офицеровъ русскаго генеральнаго штаба имѣютъ разстроенную нервную систему.

Итакъ, наша академія генеральнаго штаба затемняетъ здравый смыслъ, подавляетъ иниціативу и расслабляетъ характеръ своихъ учениковъ.

Изъ сказаннаго понятно, почему способные и самостоятельные, но отличающіеся пылкимъ характеромъ офицеры зачастую покидаютъ академію до окончанія курса. Офицеры даровитые, но болѣе спокойные, на время сжимаются для того, чтобы, по выдержаніи академическаго искуса, какъ хорошая стальная пружина, снова расправиться. Что касается массы среднихъ людей, то они въ большей или меньшей степени обезличиваются, коверкаются и въ такомъ видѣ выпускаются въ генеральный штабъ.

Изъ среды самой академіи одинъ изъ разумныхъ ея профессоровъ заявилъ: «академія обветшала и нуждается въ полномъ внутреннемъ обновленіи и переустройствѣ».

Это мнѣніе и при томъ въ самой категори-

ческой формѣ поддержатъ конечно всѣ участники послѣдней войны, своими глазами видѣвшіе совершенно неудовлетворительную подготовку офицеровъ нашего генеральнаго штаба.

Для преобразованія академіи, на мой взглядъ, прежде всего необходимо:

1) Удалить изъ нея добрую половину теперешнихъ профессоровъ, при чемъ для чтенія лекцій по такимъ прикладнымъ отраслямъ, какъ тактика отдѣльныхъ родовъ оружія, желѣзнодорожное дѣло, организація службы генеральнаго штаба и т. п., приглашать заявившихъ себя на практикѣ специалистовъ.

2) Установить въ академіи человѣческія отношенія, свойственныя высшему учебному заведенію.

3) Пересмотрѣть и привести въ систему программы по военнымъ предметамъ, выбросивъ все лишнее, составляющее лишь напрасный баластъ для памяти.

4) Усилить преподаваніе обще-образовательныхъ предметовъ, введя въ курсъ на одинаковыхъ правахъ съ военными науками: всеобщую и русскую исторію въ широкомъ объемѣ; государственное право; международное право; общую статистику и политическую экономію.

5) Сократить до возможнаго минимума ситуаціонное черченіе и съемки, выбросить всѣ «рукодѣлія», вродѣ «поднятія картъ», иллюминовки плановъ, наклеиванія дислокаціонныхъ знаковъ и т. п.; взамѣнъ этого расширить тактическія задачи, военную игру и полевыя поѣздки.

6) Требовать отъ офицеровъ, поступающихъ въ академію, хорошаго практическаго знанія по крайней мѣрѣ одного иностраннаго языка (французскаго, нѣмецкаго, англійскаго или японскаго); для усовершенствованія въ этомъ отношеніи, по окончаніи академіи, давать заграничныя командировки, подобно тому, какъ это практикуется въ Германіи.

Въ заключеніе, я выражаю свое глубокое убѣжденіе, что никакое преобразованіе генеральнаго штаба невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ въ корнѣ измѣнены архаическіе порядки нашей бурсы.

VIII.

Генеральный штабъ.

Каждый изъ крупныхъ военныхъ начальниковъ имѣетъ особый штабъ, съ помощью котораго онъ управляетъ войсками. При нормальныхъ условіяхъ, работа распредѣляется слѣдующимъ образомъ: штабъ собираетъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о мѣстности и противникѣ; на основаніи этого, начальникъ принимаетъ извѣстный планъ дѣйствій; штабъ разрабатываетъ этотъ планъ въ деталяхъ и затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ распоряженій, передаетъ волю начальника войскамъ. Такимъ образомъ, на долю штабовъ выпадаетъ, главнымъ образомъ, техника военнаго искусства.

Въ столь практическомъ дѣлѣ, какъ война, значеніе этой техники огромно. Неумѣло произведенная развѣдка, неправильно составленный разсчетъ походнаго движенія, неточность въ редакціи приказаній, ошибки въ организаціи сторожевой службы... каждая изъ этихъ техническихъ частностей, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ погубить самый лучшій

планъ. Хорошій штабъ долженъ работать безъ суеты и треній, съ точностью часового механизма.

Для этого отъ офицеровъ генеральнаго штаба требуются не только обширныя и разнообразныя знанія, но также серьезная предварительная практика въ «вожденіи войскъ» какъ на театрѣ войны, такъ и на полѣ сраженія.

Эта практика должна выработать въ нихъ извѣстный навыкъ, своего рода рутину. Въ самые критическіе моменты войны, офицеръ генеральнаго штаба, даже отвлекаемый другими вопросами, долженъ совершенно машинально, какъ бы рефлективно, принять мѣры для обезпеченія фланговъ, установленія связи, организаціи донесеній, прикрытія обозовъ и т. п.

Таковы тѣ требованія, которыя война предъявляетъ къ генеральному штабу, а между тѣмъ у насъ никто его не готовитъ къ этому. Обычная служба офицеровъ генеральнаго штаба не только въ центральныхъ управленіяхъ, но и въ войсковыхъ штабахъ сводится къ бюрократической, даже просто канцелярской перепискѣ, не имѣющей ничего общаго съ военнымъ искусствомъ. Маневры крупными частями чрезвычайно рѣдки и

даютъ, особенно въ смыслѣ штабной службы, ничтожную практику. Тактическія занятія и полевыя поѣздки сведены къ простой проформѣ. Военная игра примѣняется чрезвычайно рѣдко и преслѣдуетъ совсѣмъ другія цѣли.

Итакъ, дѣятельность мирнаго времени совершенно не подготовляетъ нашъ генеральный штабъ къ тому, что ему придется дѣлать на войнѣ.

Затѣмъ, въ свободное отъ службы время, наши офицеры генеральнаго штаба имѣютъ весьма мало побудительныхъ причинъ заниматься своей спеціальностью. Попавъ по окончаніи академіи въ генеральный штабъ, они заносятся въ особую книгу по старшинству чиновъ. Производство ихъ до чина полковника включительно идетъ строго по порядку. Затѣмъ, тѣ полковники, которымъ удалось избѣгнуть командованія армейскимъ полкомъ (пристроившись къ какой-нибудь центральной петербургской канцеляріи, или попавъ на генеральское мѣсто, хотя бы въ другомъ вѣдомствѣ), производятся въ генералы на 4—6 лѣтъ раньше своихъ товарищей, командовавшихъ полками. При дальнѣйшемъ движеніи мѣста начальниковъ дивизій и коман-

дировъ корпусовъ обыкновенно даются по старшинству, а назначеніе на высшіе посты и на спеціальныя должности генеральнаго штаба дѣлается по избранію, причемъ основаніемъ для выбора служатъ, главнымъ образомъ, связи, а затѣмъ «умъ» и «тактичность», понимаемые въ томъ своеобразномъ смыслѣ, какъ это было разобрано мною въ одной изъ предыдущихъ статей.

Такимъ образомъ, каждому офицеру генеральнаго штаба, если только въ карьерѣ его не произошло какой-либо исключительной пертурбаціи, обезпечено мѣсто начальника дивизіи; офицеръ же, окончившій академію своевременно (т. е. 24—25 лѣтъ), можетъ смѣло разсчитывать на должность командира корпуса.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на большихъ маневрахъ нѣкій генералъ генеральнаго штаба, извѣстный еще раньше своей бездарностью, будучи начальникомъ штаба одной изъ маневрировавшихъ армій, обнаружилъ совершенное незнаніе дѣла. Присутствовавшій на маневрахъ начальникъ главнаго штаба выразился, что за такія дѣйствія ему стыдно передъ иностранными военными агентами. Тѣмъ не менѣе, вскорѣ послѣ маневровъ,

сей генералъ былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ и получилъ дивизію. Затѣмъ, когда нѣсколько мѣсяцевъ спустя, его дивизія была мобилизована для отправленія на войну, то онъ просилъ освободить его отъ командованія. Казалось бы, что послѣ этого онъ будетъ немедленно уволенъ въ отставку. Ничуть не бывало, ему тотчасъ же дали другую дивизію, оставшуюся въ Россіи!!! Мало того, какъ намъ извѣстно, этотъ генералъ, доказавшій свою бездарность, полное незнаніе дѣла и отсутствіе чувства долга, былъ зачисленъ кандидатомъ на высшую должность, которая по идеѣ должна предоставляться лишь выдающимся офицерамъ генеральнаго штаба.

Такого рода факты происходили и во время войны—генералы генеральнаго штаба, выгнанные изъ арміи за полною непригодностью, по возвращеніи въ Россію, получили соотвѣтствующія, а иногда и высшія назначенія.

До сихъ поръ, одно лишь свойство могло испортить нормальную карьеру офицера генеральнаго штаба: это — «самостоятельность». Начальство боялось «независимыхъ и талантливыхъ людей», а нѣкоторые товарищи (особенно изъ бездарныхъ академическихъ профессоровъ) устраивали имъ форменный бойкотъ.

Такъ обстояло дѣло въ генеральномъ штабѣ до послѣдняго времени, что будетъ дальше пока неизвѣстно.

Указанная обезпеченность карьеры отнимаетъ у зауряднаго человѣка стимулъ къ самостоятельной работѣ, а такъ какъ, сверхъ того, академія, всѣми пріемами своего преподаванія, сумѣла внушить большинству своихъ учениковъ отвращеніе къ военной наукѣ, то офицеры генеральнаго штаба, за рѣдкими исключеніями, мало слѣдятъ за развитіемъ столь быстро совершенствующагося военнаго дѣла.

Отбывъ свою обыденную службу, большинство ихъ занимается винтомъ и свѣтскими развлеченіями; нѣкоторые же увлекаются какимъ-либо посороннимъ дѣломъ, напримѣръ — разведеніемъ пальмъ, астрономіей, свиноводствомъ, этнографіей, сельскимъ хозяйствомъ и т. п., при чемъ въ указанныхъ спеціальностяхъ достигаютъ иногда громкой извѣстности. Въ столицахъ офицеры генеральнаго штаба, нуждающіеся въ средствахъ, занимаются еще разнообразными кустарными промыслами, въ видѣ: непомѣрнаго числа уроковъ въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, подготовки вольноопредѣляющихся, сочиненія разныхъ

руководствъ, справочныхъ книжекъ, наставленій и т. п.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при описанной обстановкѣ нѣкоторые офицеры нашего генеральнаго штаба, лѣтъ черезъ десять по окончаніи академіи, въ смыслѣ спеціальной подготовки, стоятъ ниже иного толковаго строевого офицера, который хотя также мало слѣдитъ за развитіемъ военнаго дѣла, но по крайней мѣрѣ знаетъ бытъ и потребности войскъ. Армія не можетъ не видѣть этого и потому считаетъ несправедливостью тѣ крупныя привиллегіи, которыя предоставлены офицерамъ генеральнаго штаба, безотносительно къ ихъ природнымъ способностямъ и дѣйствительнымъ знаніямъ, только за то, что они когда-то окончили академію. Этимъ прежде всего объясняется недружелюбное отношеніе строевыхъ офицеровъ къ генеральному штабу, которое еще болѣе усиливается, вслѣдствіе того высокомѣрія, коимъ заражены иные представители этой корпораціи.

Изъ очерченныхъ выше условій научной и служебной подготовки видно, что нашъ генеральный штабъ не могъ во время послѣдней войны функціонировать правильно.

Для этого (признаемся въ этомъ откровенно) всѣмъ намъ недоставало: знанія современнаго военнаго дѣла и въ особенности выработанной техники въ трудномъ дѣлѣ «вожденія войскъ».

Кромѣ того, у нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба не было и любви къ своей профессіи. Въ такую исключительно интересную, съ точки зрѣнія военнаго искусства, кампанію они стремились устраиваться въ тылу, на разныхъ выгодныхъ административныхъ и канцелярскихъ должностяхъ, въ большинствѣ случаевъ даже не имѣвшихъ никакого отношенія къ спеціальности генеральнаго штаба.

Тѣмъ выше заслуга тѣхъ членовъ нашей корпораціи, которые не послѣдовали этому соблазнительному примѣру, а наоборотъ, при всякомъ удобномъ случаѣ (даже тогда, когда они не обязаны были этого дѣлать), рвались къ войскамъ, въ сферу боевой опасности и изъ коихъ многіе, какъ напримѣръ, доблестный Запольскій, Ждановъ, Іолшинъ своею жизнью заплатили за любовь къ родинѣ и преданность военному дѣлу.

Что касается академіи, то она имѣла на сухопутномъ театрѣ войны четырехъ предста-

вителей: первый изъ нихъ командовалъ дивизіей, тотчасъ же по прибытіи бѣжавшей подъ Ляояномъ, что было одной изъ главнѣйшихъ причинъ потери этого сраженія; второй, будучи профессоромъ тактики, исполнялъ во время войны чисто канцелярскія обязанности, для чего можно было назначить любого статскаго совѣтника; третій (нужно думать — лично совершенно неповинный) тѣмъ не менѣе, по своему служебному положенію, является однимъ изъ отвѣтственныхъ лицъ за организацію безпорядка на правомъ флангѣ нашей арміи во время несчастнаго сраженія подъ Мукденомъ; про четвертаго (насколько правильно—не знаю) такой безспорно боевой генералъ, какъ Церпицкій, говоритъ—«былъ здѣсь свѣтило нашей академіи генеральнаго штаба, оказавшійся совершенно бездарнымъ трусомъ... въ концѣ-концовъ его никто не хотѣлъ держать въ отрядѣ, и онъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ же былъ произведенъ въ генералы и началъ насаждать свою бездарность и пошлость».

Что касается главныхъ академическихъ схоластиковъ, то они остались въ Петербургѣ и, подъ громъ нашихъ пораженій, продол-

жали попрежнему читать свои жалкіе, безжизненные курсы.

Для устраненія обнаружившихся во время войны недостатковъ нашего генеральнаго штаба, на мой взглядъ, слѣдовало бы сдѣлать слѣдующее:

1) Освободить офицеровъ генеральнаго штаба отъ канцелярщины и приблизить ихъ къ войскамъ.

2) Увеличить до возможнаго предѣла число маневровъ, причемъ во время производства ихъ особенно тщательно провѣрять работу штабовъ.

3) Широко примѣнять, спеціально для офицеровъ генеральнаго штаба, полевыя поѣздки и военную игру, на которыхъ требовать педантическаго выполненія всѣхъ тѣхъ работъ, кои производились бы въ соотвѣтствующихъ штабахъ при военной обстановкѣ.

4) Лишить генеральный штабъ его теперешней спокойной и обезпеченной карьеры; талантливыхъ, преданныхъ военному дѣлу и слѣдящихъ за его развитіемъ офицеровъ продвигать впередъ; неудовлетворяющихъ своему назначенію, безъ малѣйшаго колебанія, отчислять въ строй и даже совсѣмъ увольнять отъ службы.

5) Закрыть офицерамъ генеральнаго штаба всякіе боковые пути. Тотъ, кто хочетъ управлять почтами и телеграфами или быть почетнымъ опекуномъ, пусть сниметъ военный мундиръ.

Всякая крупная реформа въ генеральномъ штабѣ до сихъ поръ тормазилась отсутствіемъ центральнаго объединяющаго органа. Въ настоящее время, съ созданіемъ особаго управленія генеральнаго штаба, эта причина исчезла, и русская армія вправѣ разсчитывать на то, что ея «мозгъ» будетъ подвергнутъ радикальному леченію.

IX.

Награды.

Доказывая пользу орденовъ, такой великій психологъ, какъ Наполеонъ I, сказалъ: «Иногда можно человѣку дать пуговицу и взамѣнъ ея потребовать жизнь». Однако указанное значеніе ордена имѣютъ лишь тогда, когда вмѣстѣ съ ними соединяется право на безспорное уваженіе общества, а для этого ихъ слѣдуютъ давать рѣдко и справедливо.

Въ послѣднюю войну (такъ же, какъ и въ предшествовавшія наши кампаніи) этотъ несомнѣнный принципъ постоянно нарушался.

Прежде всего, какъ общее правило, ордена давались гуртомъ, напримѣръ: всѣ участники боевъ подъ Ляояномъ (13—25 августа), сентябрскаго наступленія (22 сентября—2 октября) и сраженія подъ Мукденомъ (10—25 февраля) получили за каждый изъ этихъ періодовъ по одной очередной наградѣ. Такимъ образомъ офицеры полковъ, заявившихъ себя блистательно, и офицеры полковъ, покинувшихъ свои позиціи; пѣхота, терявшая иногда до 80 проц. своего состава, и кавалерія, не имѣвшая никакихъ потерь; начальники, от-

личившіеся и начальники, оскандалившіеся; командиры, доблестно руководившіе своими частями, и командиры, скрывавшіеся во время боя въ лазаретахъ и обозахъ,—все это награждалось огуломъ совершенно одинаково.

Мало того, въ прямое нарушеніе закона, согласно которому ордена съ мечами назначаются лишь «за военные противъ непріятеля подвиги» (св. зак., т. I, ч. 2, ст. 92 и 93), эти награды получали лица, не принимавшія никакого участія въ бояхъ, и даже такія, которые по самому роду своей службы никоимъ образомъ участвовать въ нихъ не могли, какъ напримѣръ: врачи и священники тыловыхъ госпиталей, интенданты, начальники транспортовъ, всевозможные наблюдающіе за перевозкою войскъ, чины судебнаго вѣдомства и т. п.

При такихъ условіяхъ кресты съ мечами потеряли свое значеніе—награды за боевую дѣятельность—и обратились въ неимѣющія никакого смысла украшенія.

Даже въ Петербургѣ, посреди разнообразныхъ заботъ, усмотрѣли этотъ развратъ.

Въ приказѣ главнокомандующаго, отъ 17 декабря 1904 г., было объявлено: «Его Императорское Величество Государь Импе-

раторъ, обративъ Августѣйшее вниманіе на проявленную въ арміяхъ въ отношеніи наградъ неправильность, повелѣлъ подтвердить, чтобы впредь въ вопросахъ о наградахъ отступленія отъ существующихъ, законоположеній не допускались. Вслѣдствіе сего подтверждаю къ неуклонному и точному исполненію, чтобы къ награжденію орденами съ мечами представлялись лишь строевые офицеры, врачи и духовныя особы, принимавшія непосредственное участіе въ боевыхъ столкновеніяхъ съ противникомъ и совершившіе дѣйствительный подвигъ, а не присутствовавшіе только при такихъ столкновеніяхъ».

Однако отъ этого приказа дѣло нисколько не измѣнилось. Безъ всякаго перерыва мы продолжали читать: за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ такого-то госпиталя игуменъ—Анны 3 ст. съ мечами; главный священникъ при главнокомандующемъ — Анны 2 ст. съ мечами; начальникъ канцеляріи полевого штаба—золотое оружіе; пасторъ при штабѣ арміи и ветеринарный врачъ обоза главной квартиры—Анны 3 ст. съ мечами; предсѣдатель эвакуаціонной коммиссіи, начальникъ управленія транспортовъ и инспекторъ госпиталей — Владиміра 4 ст.

съ мечами; завѣдывающій столовой главной квартиры—Анны 3 ст. съ мечами и т. д. до безконечности.

Такъ какъ очевидно, что перечисленныя лица ни по роду своей службы, ни по мѣсту нахожденія (въ нѣсколькихъ десяткахъ и даже сотняхъ верстъ въ тылу) никакъ не могли совершить никакихъ «военныхъ противъ непріятеля подвиговъ», то возникаетъ вопросъ: почему начальство Манчжурскихъ армій позволяло себѣ не только нарушать законъ, но и совершенно игнорировать Высочайшее повелѣніе своего Самодержавнаго Государя?

Практиковавшаяся у насъ въ послѣднюю войну система награжденія, въ связи съ чрезвычайнымъ обиліемъ орденовъ, вмѣсто пользы приносила лишь вредъ дѣлу. Въ то время какъ хорошіе офицеры интересовались прежде всего успѣхомъ военныхъ дѣйствій и своей боевой репутаціей, а затѣмъ уже наградами, другіе видѣли главный смыслъ войны въ орденахъ. Для пріобрѣтенія послѣднихъ они устраивали себѣ разныя миѳическія порученія, производили безполезныя рекогносцировки, старались примазаться въ качествѣ наблюдателей ко всякому предпріятію, составляли лживыя донесенія, заискивали, интриговали... Однимъ сло-

вомъ—мѣшали правильному ходу дѣла, обращая войну—эту великую историческую драму—въ какой-то бутафорскій «крестовый» походъ.

Затѣмъ многочисленность существующихъ въ Россіи знаковъ отличія приносила другой, еще болѣе существенный вредъ. Она задерживала служебное возвышеніе способныхъ офицеровъ. Положимъ, какой-нибудь офицеръ выдѣлился въ бою. Желая расширить сферу его дѣятельности и такимъ образомъ лучше использовать его способности, вы его представляете къ слѣдующему чину. Взамѣнъ этого ему даютъ очередной орденъ. Послѣ новаго боя вы его опять представляете къ чину. Ему даютъ слѣдующій по порядку орденъ и такъ далѣе, пока не будетъ исчерпанъ весь запасъ соотвѣтствующихъ крестовъ.

Подобный порядокъ былъ чрезвычайно удобенъ для того, чтобы тормозить возвышеніе талантливыхъ людей, въ чемъ (какъ я уже говорилъ въ одной изъ предыдущихъ статей) заключается одинъ изъ основныхъ принциповъ нашей военной бюрократіи. Вмѣсто того, чтобы, пользуясь опытомъ войны, быстро продвигать выдающихся офицеровъ со ступеньки на ступеньку до высшихъ командныхъ должностей (подобно тому, какъ

это дѣлалъ хотя бы Наполеонъ), у насъ ихъ старались выдерживать на прежнихъ мѣстахъ, въ утѣшеніе обвѣшивая крестами. Такимъ образомъ и конкурренція таланта устранялась, и внѣшняя справедливость была соблюдена.

Особнякомъ отъ другихъ орденовъ стоитъ у насъ Георгіевскій крестъ. Онъ даетъ большія служебныя преимущества и назначается лишь за выдающіеся боевые подвиги, притомъ по приговору думы, составленной изъ кавалеровъ этого ордена.

За полтора года войны, въ дѣйствующей арміи (кромѣ Портъ-Артура), было дано семьдесятъ восемь Георгіевскихъ крестовъ, что, принимая во вниманіе большое число участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ офицеровъ и понесенныя ими колосальныя потери, нельзя считать слишкомъ щедрымъ.

Однако и Георгіевскій крестъ сумѣли дискредитировать. Въ самомъ началѣ войны, подъ первымъ впечатлѣніемъ «подвига» «Варяга» и «Корейца», всѣ находившіеся на нихъ офицеры, врачи и механики были награждены, по особому Высочайшему повелѣнію, помимо думы, Георгіевскими крестами.

Такое массовое награжденіе, въ связи съ оказанными экипажамъ этихъ судовъ въ

Россіи неслыханными почестями, произвело на армію весьма неблагопріятное впечатлѣніе. Для каждаго было ясно, что если отъ командира судна требовалась нѣкоторая рѣшимость, чтобы идти навстрѣчу превосходному въ силахъ непріятелю, то со стороны остальныхъ чиновъ одно присутствіе на кораблѣ (можетъ быть и невольное) само по себѣ не составляло еще заслуги, достойной награжденія высшимъ военнымъ орденомъ.

Неудовольствіе въ офицерской средѣ стало еще сильнѣе, когда впослѣдствіи выяснилось, что вообще въ указанномъ бою экипажемъ «Варяга» не было совершено никакого подвига, а на «Корейцѣ» даже почти не было потерь.

Та же торопливость была проявлена и по отношенію къ гарнизону Портъ-Артура. Не зная еще обстоятельствъ дѣла, спѣшили создавать по телеграфу изъ Петербурга новыхъ георгіевскихъ кавалеровъ, а послѣ паденія крѣпости обнаружилось, что нѣкоторые изъ послѣднихъ, слишкомъ рано произведенные въ «герои», не выполнили даже своего обыкновеннаго воинскаго долга.

Затѣмъ къ весьма печальнымъ результатамъ привело предоставленіе офицерамъ права самимъ ходатайствовать о награжденіи ихъ

Георгіемъ. Если, съ одной стороны, эта мѣра могла оградить подчиненнаго, совершившаго выдающійся подвигъ, отъ произвола начальника, не желавшаго его представить къ Георгіевскому кресту, то съ другой стороны, при отсутствіи строгихъ взысканій за завѣдомо ложныя искательства, она повела къ созданію цѣлой кляузной и даже клеветнической литературы.

Въ заключеніе этой статьи я позволю себѣ высказать пожеланіе, чтобы возможно скорѣе было произведено сокращеніе существующихъ у насъ многочисленныхъ орденовъ.

Для вознагражденія мирныхъ заслугъ совершенно достаточно оставить одинъ орденъ Владиміра (четырехъ степеней), а для оцѣнки боевыхъ отличій могутъ служить орденъ Георгія (четыре степени) и золотое оружіе (простое и съ брилліантами). Всѣ эти награды должны присуждаться думой, мотивированныя рѣшенія которой слѣдуетъ опубликовывать во всеобщее свѣдѣніе.

Награжденіе орденами ни въ коемъ случаѣ не должно задерживать (особенно во время войны) быстраго служебнаго возвышенія способныхъ людей.

X.

Миражъ числа. Штабы и тылъ. Пышность главныхъ квартиръ. Клевета на строевыхъ офицеровъ. Объ интендантствѣ и злоупотребленіяхъ.

Въ моментъ заключенія мира мы имѣли на театрѣ войны около милліона человѣкъ. Лица, не посвященныя въ тайны нашей военной системы, изумлялись, какимъ образомъ такія огромныя силы не могли привести войну къ удачному концу. Однако въ дѣйствительности эти цифры представляли изъ себя лишь обманчивую декорацію.

Нашъ пѣхотный полкъ, имѣющій по штатамъ военнаго времени около четырехъ тысячъ человѣкъ, есть единица не только боевая, но и хозяйственная. Для самаго существованія своего онъ долженъ выдѣлить изъ своей среды: кашеваровъ, рѣзаковъ, погонщиковъ скота, многочисленную офицерскую прислугу, всевозможныхъ обозныхъ, санитаровъ, сапожниковъ, портныхъ, оружейниковъ, людей для разнообразныхъ хозяйственныхъ командировокъ и т. п. Кромѣ этого внутренняго расхода, каждому полку приходилось еще давать большое число людей въ транс-

порты, хлѣбопекарни, на этапы, для службы при штабахъ и разныхъ учрежденіяхъ.

Какъ великъ былъ этотъ расходъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: въ январѣ 1905 года въ одномъ полку вмѣсто штатныхъ четырехъ тысячъ состояло по списку 5.026 человѣкъ, изъ коихъ около 600 легко-раненыхъ и больныхъ въ разныхъ врачебныхъ заведеніяхъ, болѣе 1.800 чел. разнаго нестроевого элемента и только около 2.600 штыковъ!!

Этотъ фактъ, въ большей или меньшей степени существовавшій и въ остальныхъ полкахъ, объясняетъ, почему въ моментъ заключенія мира боевая сила всѣхъ трехъ Маньчжурскихъ армій въ дѣйствительности составляла не болѣе 400 тысячъ человѣкъ. Однако и на это число еще нельзя было разсчитывать въ бою. Дѣло въ томъ, что для выноса раненыхъ каждый пѣхотный полкъ располагалъ всего 128 носильщиками и 32 носилками. Такъ какъ при теперешнихъ большихъ разстояніяхъ отъ мѣста боя до полкового перевязочнаго пункта этого количества было совершенно недостаточно, то, кромѣ санитаровъ, переноскою раненыхъ на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ ружей, занимались и строевые солдаты. Большинство послѣднихъ, отнеся

раненаго, возвращались обратно (на что однако нужно было нѣсколько часовъ); но были такіе, которые, пользуясь удобнымъ случаемъ, оставались въ тылу и присоединялись къ своей части только по окончаніи боя.

Стремясь бороться съ указаннымъ фактомъ, ослаблявшимъ боевой составъ полковъ, высшее начальство неоднократно разъясняло войскамъ, что они обращаютъ слишкомъ много вниманія на уборку раненыхъ, что оставленіе послѣднихъ на полѣ сраженія не только не позорно, но даже почетно, что уходъ изъ строя для выноса раненаго товарища представляетъ не подвигъ, а нарушеніе воинскаго долга и т. п.

Наконецъ было даже отдано категорическое приказаніе по арміи: «Выносъ раненыхъ разрѣшается производить исключительно только упомянутымъ выше 128 санитарамъ на полкъ. Кромѣ этихъ санитаровъ отлучаться изъ строя подъ предлогомъ выноса раненыхъ безусловно никому не разрѣшать подъ отвѣтственностью начальствующихъ лицъ».

Однако осуществить это приказаніе на практикѣ, въ полной мѣрѣ, было мудрено. Всякій разумный начальникъ прекрасно понималъ, что если съ одной стороны, выносъ

тяжело-раненыхъ строевыми солдатами уменьшалъ число бойцовъ, то съ другой стороны— оставленіе этихъ раненыхъ на произволъ судьбы, противорѣча чувству взаимной выручки и боевому товариществу, подрывало духъ части. Представьте себѣ начальника, мимо котораго въ разгарѣ боя проходитъ солдатъ, сопровождающій своего легко раненаго товарища. Конечно начальникъ прогонитъ его обратно. Но вотъ четыре строевыхъ солдата несутъ человѣка съ раздробленными ногами. Неужели у начальника повернется языкъ приказать, чтобы они его оставили истекать кровью, а сами вернулись къ своей части?! Отбрасывая даже всякую гуманность, полезно ли для дѣла, если начальникъ создастъ себѣ въ средѣ солдатъ репутацію безсердечности?!

Очевидно правильное рѣшеніе этого вопроса заключается не въ отдачѣ неисполнимыхъ приказовъ, а въ сформированіи въ достаточномъ количествѣ особыхъ нестроевыхъ командъ для выноса раненыхъ. Объ этомъ военному министерству слѣдовало подумать еще до войны, и во всякомъ случаѣ оно обязано было принять соотвѣтствующія мѣры при сформированіи дѣйствующей арміи.

Для того, чтобы имѣть правильное понятіе объ истинной боевой числительности нашей дѣйствующей арміи, стоитъ лишь прочесть слѣдующую выдержку изъ сообщенія начальника штаба арміи командирамъ корпусовъ въ іюлѣ 1905 года:

«Изъ наблюденій надъ численнымъ составомъ войсковыхъ частей во время бывшихъ боевъ командующій арміей усмотрѣлъ, что изъ положеннаго быть въ строю числа нижнихъ чиновъ на дѣлѣ участвуетъ въ бою не болѣе трети состава, а двѣ трети нижнихъ чиновъ части обыкновенно отсутствуютъ и въ бою непосредственнаго участія не принимаютъ».

Итакъ, по авторитетному признанію генерала Куропаткина (который былъ не только вождемъ нашей арміи на войнѣ, но и организаторомъ ея въ мирное время), на поляхъ битвъ въ маньчжуріи дралась лишь одна треть опредѣленнаго штатомъ строевого состава!!!

Таковы плоды нашей военной системы, основанной на ложной идеѣ, будто войсковыя части должны сами удовлетворять свои хозяйственныя потребности и служить кромѣ того неисчерпаемымъ резервуаромъ людей для всѣхъ тыловыхъ учрежденій. При подобныхъ порядкахъ Россія на бумагѣ располагаетъ многочис-

ленной арміей, въ дѣйствительности же военное могущество ея совсѣмъ не такъ велико.

Впрочемъ, если боевая сила нашей Маньчжурской арміи была мала, то взамѣнъ мы имѣли такіе многочисленные штабы, какихъ до тѣхъ поръ не видѣлъ свѣтъ.

Въ академическихъ учебникахъ намъ говорили о зловредности большихъ штабовъ; тамъ мы читали извѣстное изрѣченіе Ру-Фазильяка, что многочисленные штабы и большіе обозы обыкновенно бывали связаны «съ большими злоупотребленіями, маленькими способностями и большими пораженіями»; намъ приводили въ примѣръ Мольтке, коего образцовый штабъ во время франко-прусской войны состоялъ всего изъ семи офицеровъ генеральнаго штаба. Однако наши маньчжурскіе полководцы были очевидно другого мнѣнія. По крайней мѣрѣ, не довольствуясь огромными законными штатами, они еще привозили изъ Россіи въ качествѣ совѣтниковъ (съ огромными подъемными, прогонными и суточными) своихъ добрыхъ знакомыхъ и окружали себя цѣлой свитой молодыхъ людей хорошихъ фамилій. Впослѣдствіи было сформировано еще огромнѣйшее «управленіе тыла Маньчжурскихъ армій». Если присоединить къ этому всѣ

второстепенныя учрежденія съ ихъ развѣтвленіями, то получится такой тяжеловѣсный тылъ, который совершенно не соотвѣтствовалъ сравнительно незначительной боевой численности арміи.

Въ этомъ тылу жилось много привольнѣе, чѣмъ въ строевыхъ частяхъ: оклады жалованья были гораздо крупнѣе, жизненныя условія лучше, опасности никакой, а наградъ столько же, если не больше. Что жъ удивительнаго, что многимъ строевымъ офицерамъ тылъ сталъ представляться своего рода раемъ. Сначала старались устроиться тамъ наиболѣе малодушные, а потомъ туда же направились и хорошіе строевые офицеры, раздраженные тѣмъ, что ихъ тяжелой службы не цѣнитъ ни начальство (во всемъ отдающее предпочтеніе нестроевому элементу), ни русское общество (равнодушно и даже враждебно относящееся къ своей арміи).

Тылъ гостепріимно принималъ всѣхъ, кто имѣлъ хоть какую-нибудь протекцію; тамъ, гдѣ не было штатныхъ мѣстъ, составлялись временные штаты; по заполненіи ихъ прибѣгали къ прикомандированіямъ; вмѣстѣ съ офицерами переходили въ тылъ ихъ вѣстовые, конюха и т. д. Тылъ, какъ губка, вытягивалъ соки

изъ арміи. Постороннему зрителю могло показаться, что именно онъ-то и составляетъ центръ войны, а полевая армія есть лишь придатокъ.

Наблюдая за ростомъ тыла, одинъ контролеръ, наконецъ, не утерпѣлъ и подалъ рапортъ, въ которомъ убѣждалъ начальство пожалѣть бѣдную русскую казну. По его мнѣнію, штаты всѣхъ учрежденій (кромѣ войсковыхъ штабовъ) «достигли колоссальныхъ, неоправдываемыхъ требованіями дѣла размѣровъ». Онъ указывалъ «на цѣлый рядъ должностей, которыя вовсе не нужны и съ успѣхомъ для дѣла должны быть упразднены». По его словамъ: «сокращеніе штатовъ, кромѣ уменьшенія переписки, канцелярской волокиты и опасной для дѣла путаницы въ административныхъ распоряженіяхъ, дало бы огромныя денежныя сбереженія». Само собою разумѣется, что этотъ рапортъ былъ спрятанъ подъ сукно.

Неблагопріятное впечатлѣніе на армію производила пышность главныхъ квартиръ, гдѣ не было той благородной солдатской простоты, которой отличалась обстановка жизни почти всѣхъ выдающихся полководцевъ.

Командующіе арміями пріѣзжали въ Маньчжурію съ великой помпой въ экстренныхъ

поѣздахъ и такимъ же способомъ (даже въ томъ случаѣ, когда нарушали воинскій долгъ и дисциплину) уѣзжали обратно въ Россію, задерживая движеніе поѣздовъ съ столь необходимыми для насъ подкрѣпленіями. Такъ же точно ѣздилъ по своему намѣстничеству и адмиралъ Алексѣевъ, прерывая правильную работу желѣзной дороги.

Для простого выѣзда главнокомандующаго былъ объявленъ особый церемоніалъ, въ которомъ съ точностью указывалось, какія именно лица и въ какомъ порядкѣ должны его сопровождать, въ сколькихъ шагахъ за нимъ долженъ ѣхать начальникъ штаба, въ какомъ разстояніи за послѣднимъ генералъ-квартирмейстеръ и т. п.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда главнокомандующій желалъ объѣхать расположеніе армій, войскамъ обыкновенно посылалось приказаніе исправить тѣ дороги, по которымъ онъ прослѣдуетъ. Напередъ опредѣлялись тѣ мѣста, гдѣ главнокомандующій будетъ завтракать и обѣдать. Предназначенныя для этой кратковременной роли постройки ремонтировались, бѣлились, оклеивались новыми обоями и т. п. Впередъ ѣхали разные завѣдывающіе, прислуга и кухня. Главнокомандующаго всегда сопро-

вождала огромная свита и къ столу его обыкновенно получали приглашенie всѣ находившiеся по близости начальники частей и офицеры генеральнаго штаба.

Однимъ словомъ, наши главныя квартиры въ послѣднюю войну представляли изъ себя какъ бы маленькiе дворы.

Надо полагать, что въ военное время, подъ гнетомъ огромной отвѣтственности, наши полководцы лично не могли интересоваться такими пустяками, и что они поддерживали всю эту помпу лишь потому, что считали ее необходимой для престижа власти. Однако въ этомъ они сильно ошибались.

Въ войскахъ съ удовольствiемъ разсказывали о томъ, какъ кто-то изъ докторовъ, оставшихся послѣ отступленiя нашихъ войскъ въ Мукденѣ, видѣлъ слѣдующую сцену: японскiй главнокомандующiй, маршалъ Ояма, ѣхалъ въ сопровожденiи одного адьютанта и двухъ солдатъ; желая позавтракать, онъ слѣзъ съ лошади; адьютантъ вынулъ изъ кобуры свертокъ съ какими-то закусками; оба они поѣли, угостивъ также нижнихъ чиновъ; послѣ чего сѣли опять верхомъ и отправились дальше. Несомнѣнно весь этотъ разсказъ не болѣе, какъ анекдотъ, но самый

фактъ, что его придумали, характеризуетъ взгляды офицеровъ.

Мнѣніе, что извѣстная обстановка жизни обязательна для лицъ, стоящихъ во главѣ арміи, отчасти поддерживалось и тѣми огромными окладами, которые они получали въ эту войну: ежемѣсячное содержаніе главнокомандующаго было что-то около 17 тысячъ, а командующаго арміей 11 тысячъ рублей. Сверхъ того, оставшимся въ Россіи семьямъ этихъ лицъ было сохранено содержаніе по прежнимъ ихъ должностямъ.

Я нахожу вполнѣ естественнымъ, что послѣ удачнаго окончанія войны благодарная нація (какъ это принято въ Англіи и Германіи) даетъ крупныя денежныя награды счастливому полководцу и наиболѣе отличившимся начальникамъ. Война затрогиваетъ столь крупные интересы государства и стоитъ такъ дорого, что раздать нѣсколько милліоновъ людямъ, особенно способствовавшимъ удачному и быстрому ея окончанію, совсѣмъ не жалко. Но зачѣмъ же платить несообразно большое содержаніе генераламъ, относительно которыхъ еще неизвѣстно, какіе результаты дастъ ихъ дѣятельность—положительные или отрицательные?!

Нѣкоторые корреспонденты писали о повальномъ пьянствѣ, которому будто бы предавались во время войны наши строевые офицеры. Прокомандовавъ большую часть кампаніи пѣхотнымъ полкомъ, открыто заявляю, что это—тенденціозная ложь. Наши строевые офицеры жили до такой степени скромно, что напримѣръ въ моемъ полку почти половина ихъ, ради экономіи, довольствовалась изъ солдатскаго котла. Въ полку было человѣкъ пять, которые въ періоды боевого затишья и при наличіи какихъ-нибудь спиртныхъ напитковъ не прочь были основательно выпить. Однако водку и вино далеко не всегда можно было достать, да наконецъ при существовавшей въ Маньчжуріи почти все время страшной дороговизнѣ частое пьянство было совершенно не по карману армейскому офицеру, получавшему въ качествѣ субалтерна около 110 руб. и въ должности ротнаго командира—около 170 руб. въ мѣсяцъ, причемъ большинству приходилось еще изъ этого скуднаго содержанія удѣлять часть своимъ семьямъ.

Въ тыловыхъ учрежденіяхъ, особенно въ транспортахъ, дѣйствительно жили широко; въ Харбинѣ же все время было настоящее вавилонское столпотвореніе.

По адресу интендантства можно сдѣлать тотъ упрекъ, что оно слишкомъ обременяло войска хозяйственными заботами. Частямъ приходилось самимъ заготовлять себѣ фуражъ, закупать скотъ, пріобрѣтать въ отдаленныхъ пунктахъ разные необходимые предметы, иногда даже печь хлѣбъ, шить сапоги и т. п. Что касается продуктовъ, отпускавшихся интендантствомъ, то они были, обыкновенно, хорошаго качества.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что наше интендантство въ послѣднюю кампанію оказалось неизмѣримо выше, чѣмъ во всѣ предшествовавшія войны. Этому несомнѣнно въ значительной мѣрѣ способствовали хозяйственно-административныя способности генерала Куропаткина и его постоянная заботливость о солдатѣ. Вообще если иногда наши войска и нуждались въ чемъ-либо, то по большей части это объяснялось не злоупотребленіями, а огромными трудностями организовать снабженіе арміи на далекомъ театрѣ войны.

Не особенно хорошую репутацію создалъ себѣ персоналъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ. Разсказываютъ, что у нихъ происходила торговля вагонами для доставки разныхъ товаровъ въ дѣйствующую армію.

Между прочимъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей по перевозкѣ войскъ нарисовалъ мнѣ слѣдующую картину: отправленъ изъ Россіи воинскій поѣздъ извѣстнаго состава; на одной изъ промежуточныхъ станцій вдругъ оказывается, что три вагона испортились (чаще всего перегорали буксы, для чего туда подсыпали песокъ); ихъ отцѣпляютъ и замѣняютъ имѣющимися на станціи тремя вагонами съ частнымъ грузомъ; на какой-нибудь слѣдующей станціи повторяется та же исторія; въ результатѣ въ Харбинъ прибываетъ воинскій поѣздъ, въ которомъ половина вагоновъ наполнена частными товарами; бывали даже случаи, когда въ прибывшемъ воинскомъ поѣздѣ не было ни одного вагона съ военнымъ грузомъ!

Много также говорили въ арміи о различныхъ гешефтахъ этапныхъ комендантовъ и въ особенности о крупныхъ злоупотребленіяхъ въ транспортахъ арміи.

Весьма желательно, чтобы дѣятельность упомянутыхъ выше учрежденій была тщательно провѣрена съ цѣлью оградить невинныхъ отъ незаслуженныхъ нареканій, а наглыхъ мошенниковъ, не взирая на полученные ими чины и ордена съ мечами, предать суду.

XI.

Наше отношеніе къ японцамъ. Сборъ свѣдѣній во время войны. Корреспонденты. Военные агенты.

До войны въ нашей арміи господствовало пренебрежительное отношеніе къ японцамъ. Противоположные взгляды, изрѣдка высказывавшіеся участниками похода на Пекинъ, обыкновенно объяснялись свойствомъ русскаго характера хвалить все чужое. Высокая оцѣнка японской арміи особенно не нравилась въ высшихъ сферахъ, гдѣ полагали, что она можетъ подорвать въ нашихъ войскахъ вѣру въ свои силы.

Какъ бы въ видѣ противоядія (нужно думать по указанію свыше) въ нашихъ военныхъ органахъ печатались разныя статьи, въ которыхъ японская армія изображалась въ самыхъ темныхъ краскахъ: говорили, что японцы заимствовали отъ Европы одну лишь технику военнаго искусства, а не духъ его, что они могутъ лишь подражать, но совершенно неспособны къ самостоятельному творчеству, что японскіе генералы не имѣютъ

никакой практики управленія большими массами и лишены всякой инициативы, что японскій солдатъ слабосиленъ, мало выносливъ и т. п. Для «поддержанія духа» русской арміи помѣстили даже иллюстрацію: японскій кавалеристъ тянетъ за поводъ едва передвигающую ноги клячу; другой стоитъ сбоку и грустно смотритъ; внизу написано — «Японская кавалерія на походѣ».

Въ обществѣ ревнителей военныхъ знаній нѣкій вице-консулъ, долго прожившій въ Японіи, сдѣлалъ сообщеніе, въ которомъ доказывалъ, что японцы, какъ истые представители желтой расы, храбры лишь при успѣшномъ ходѣ дѣла, наоборотъ, малѣйшая неудача возбуждаетъ въ нихъ неудержимую, безграничную панику. Впослѣдствіи, уже во время войны, наблюдая поразительное, не останавливавшееся ни передъ чѣмъ упорство японцевъ въ достиженіи разъ поставленной цѣли, слыша о томъ, какъ послѣ каждаго отбитаго штурма Портъ-Артура, уложивъ тысячи людей, они съ удвоенной энергіей шли на слѣдующій, мы часто вспоминали этого «прозорливаго» вице-консула.

Отправляясь на театръ войны, я получилъ въ главномъ штабѣ описаніе японской арміи,

изъ коего явствовало, что японцы совершенные невѣжды въ военномъ дѣлѣ. Затѣмъ, уже во время военныхъ дѣйствій, намъ нѣсколько разъ присылали изъ штаба арміи новыя свѣдѣнія объ организаціи и тактикѣ японскихъ войскъ. Любопытно было наблюдать, какъ въ этихъ оффиціальныхъ описаніяхъ постепенно, по мѣрѣ того какъ насъ били, отзывы о японцахъ становились все болѣе и болѣе почтительными. Изъ послѣдняго документа уже можно было заключить, что мы уступаемъ японцамъ рѣшительно во всемъ, за исключеніемъ одного единственнаго преимущества—«вѣры въ Промыселъ Божій».

Столь же наивными были передъ войной и наши свѣдѣнія о численности японской арміи. Въ главномъ штабѣ категорически утверждали, что Японія ни въ коемъ случаѣ не можетъ выставить въ Маньчжуріи болѣе 150 тысячъ человѣкъ. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, японцы выставили гораздо большія силы.

Передъ войной всѣ полагали, что благодаря огромному перевѣсу въ числѣ и качествѣ кавалеріи мы будемъ знать каждое движеніе противника, послѣдній же будетъ бродить впотьмахъ. На дѣлѣ произошло обратное:

наша кавалерія, по причинамъ выясненнымъ въ одной изъ предыдущихъ статей, не могла проникать вглубь расположенія противника и потому не доставляла намъ никакихъ цѣнныхъ свѣдѣній; между тѣмъ японцы, пользуясь своей малочисленной кавалеріей лишь для ближнихъ развѣдокъ, всѣ важнѣйшія свѣдѣнія о группировкѣ и направленіи нашихъ силъ получали отъ шпіоновъ.

Шпіонская служба была организована японцами мастерски. Съ этой цѣлью еще до войны Дальній Востокъ былъ наводненъ японскими офицерами, подъ видомъ купцовъ, коммивояжеровъ, парикмахеровъ и т. п. Эти тайные военные агенты не только заблаговременно собрали необходимыя свѣдѣнія о театрѣ войны, но и завязали прочныя связи съ мѣстными жителями, раскинувъ какъ бы цѣлую сѣть шпіоновъ, въ которой въ продолженіе всей кампаніи путалась русская армія, не имѣя возможности скрыть ни одного своего движенія.

Къ концу войны (уже послѣ Мукдена) и мы стали понемногу налаживать развѣдку черезъ шпіоновъ; но до тѣхъ поръ это была въ полномъ смыслѣ слова «слѣпая война», какъ ее прозвалъ Немировичъ - Данченко.

Особенно обидно то, что, какъ мнѣ передавали изъ самаго достовѣрнаго источника, въ началѣ кампаніи богатый китайскій купецъ Тифонтай, имѣвшій свои склады, магазины и конторы почти во всѣхъ городахъ Маньчжуріи, предлагалъ за три милліона рублей организовать шпіонскую службу. Однако, тогда это показалось дорого!

Во время войны развѣдка для японцевъ въ значительной мѣрѣ облегчалась тѣмъ, что мы готовились къ каждому маневру удивительно долго и откровенно: заблаговременно передвигались войска, заготовлялось продовольствіе, перемѣщались врачебныя заведенія и т. п. Затѣмъ, при той массѣ офицеровъ, которая болталась безъ дѣла въ нашихъ штабахъ, вообще трудно было скрыть какую бы то ни было тайну. Планы военныхъ дѣйствій обсуждались открыто даже въ станціонныхъ буфетахъ, особенно на вокзалахъ въ Ляоянѣ и Мукденѣ.

Состоявшіе при нашей арміи корреспонденты обыкновенно жаловались на то, что ихъ черезчуръ стѣсняютъ цензурой; между тѣмъ въ японской арміи корреспонденты (особенно иностранные) пользовались несравненно меньшей свободой — фактически имъ разрѣша-

лось лишь передавать своими словами оффиціальныя донесенія о побѣдахъ.

Результатъ такого различія въ положеніи корреспондентовъ виденъ изъ слѣдующаго примѣра: въ Германіи еще во время войны, на основаніи исключительно газетныхъ свѣдѣній, составлялись разныя описанія военныхъ дѣйствій и что-жъ—русскія войска въ нихъ обыкновенно перечислены съ точностью (иногда даже составлено полное боевое росписаніе), а о японской арміи свѣдѣній почти нѣтъ.

Не нужно забывать, что многія сообщенія представляются въ отдѣльности совершенно невинными, а между тѣмъ взятыя въ совокупности и сопоставленныя съ другими фактами онѣ даютъ возможность дѣлать чрезвычайно важные выводы о численности, группировкѣ и планахъ непріятеля.

Правильное рѣшеніе разбираемаго вопроса, на мой взглядъ, заключается въ слѣдующемъ: въ мирное время въ области военнаго дѣла, также какъ и во всѣхъ остальныхъ сферахъ государственной жизни, должна господствовать полнѣйшая гласность (конечно, за исключеніемъ стратегическихъ тайнъ); наоборотъ, во время войны, для достиженія военнаго

успѣха, необходима строжайшая цензура всякихъ корреспонденцій какъ телеграфныхъ, такъ и письменныхъ; съ послѣднимъ выстрѣломъ гласность снова вступаетъ въ свои права и печати должна быть предоставлена полная свобода критиковать всѣхъ и все.

Извѣстный военный корреспондентъ газеты Journal, сначала при нашей, а потомъ при японской арміи, Нодо, котораго уже, конечно, нельзя заподозрить во враждѣ къ гласности, идетъ въ этомъ направленіи еще дальше. Онъ говоритъ: «секретъ военныхъ дѣйствій имѣетъ столь рѣшительное значеніе, что не можетъ быть и вопроса о допускѣ въ армію военныхъ агентовъ, иностранныхъ журналистовъ и даже собственныхъ корреспондентовъ; печати должно разрѣшить лишь опубликованіе оффиціальныхъ отчетовъ».

Положеніе иностранныхъ военныхъ агентовъ въ нашей арміи было совершенно ненормальное. Въ то время, какъ японцы держали ихъ подъ постояннымъ надзоромъ, показывая и сообщая имъ лишь то, что находили для себя полезнымъ, у насъ имъ была предоставлена почти полная свобода.

Напримѣръ, военный агентъ державы, которая въ будущемъ предполагается въ числѣ

вѣроятныхъ нашихъ враговъ, всю кампанію отъ Вафангоу до Шахе продѣлалъ съ одной пѣхотной бригадой, а затѣмъ состоялъ при кавалерійскихъ частяхъ. Отличаясь замѣчательнымъ трудолюбіемъ, рѣдкой любовью къ своей спеціальности и прекраснымъ военнымъ образованіемъ, онъ за эти полтора года такъ изучилъ русскую армію, что къ концу войны зналъ всѣ ея слабыя и сильныя стороны гораздо лучше, чѣмъ нѣкоторые офицеры нашего генеральнаго штаба, соприкасающіеся съ войсками лишь весьма поверхностно.

Другой военный агентъ, также весьма способный офицеръ, все время находился при штабѣ одного корпуса. При этомъ онъ жилъ не съ офицерами штаба, а отдѣльно, имѣлъ слугу китайца, самъ довольно свободно говорилъ по-китайски, для своего подробнаго дневника онъ собиралъ какія-то свѣдѣнія, для чего къ нему приходили разные китайцы, коихъ онъ куда-то посылалъ... Этотъ агентъ былъ за-панибрата со всѣми офицерами штаба; онъ въ любое время свободно объѣзжалъ наши позиціи; въ присутствіи его никто ничѣмъ не стѣснялся; самъ онъ открыто и, къ сожалѣнію, вполнѣ основательно, критиковалъ дѣйствія нашей арміи и т. п.

Находя такой порядокъ вещей неестественнымъ, новое начальство просило о томъ, чтобы этого черезчуръ освѣдомленнаго агента убрали въ главную квартиру. Однако, на это ходатайство былъ полученъ отвѣтъ, что военные агенты состоятъ подъ покровительствомъ не только дипломатическаго корпуса, но и многихъ высокопоставленныхъ лицъ и что поэтому стѣсненіе ихъ можетъ вызвать неудовольствіе въ высшихъ сферахъ, вслѣдствіе чего поневолѣ приходится мириться съ неудобствами ихъ присутствія. Только послѣ новыхъ настойчивыхъ ходатайствъ и много времени спустя указанный агентъ былъ отозванъ, чѣмъ онъ остался крайне недоволенъ и повсюду открыто выражалъ свое негодованіе. Наконецъ, въ іюлѣ 1905 года, то-есть уже незадолго до окончанія войны, послѣдовало общее приказаніе главнокомандующаго относительно ограниченія свободы дѣйствій военныхъ агентовъ.

На мой взглядъ, въ затронутомъ вопросѣ намъ нужно слѣдовать примѣру японцевъ, которые, безъ всякаго стѣсненія, неоднократно заявляли состоявшимъ при ихъ арміи иностраннымъ военнымъ агентамъ, что Японія ведетъ войну для своей пользы, а не для поученія другихъ народовъ.

XII.

Духъ и настроеніе обѣихъ армій.

Въ переживаемую нами эпоху вооруженныхъ народовъ, характерными чертами которой являются короткіе сроки солдатской службы, относительно слабые кадры и масса запасныхъ, вливающихся при мобилизаціи въ ряды войскъ, моральная сила арміи зависитъ, главнымъ образомъ, отъ настроенія націи.

Японскій народъ, начиная съ низшей школы и кончая университетомъ, воспитывается въ строго патріотическомъ духѣ. Ему систематически прививаютъ здоровый національный эгоизмъ и уваженіе къ военнымъ доблестямъ. Армія, какъ самое яркое олицетвореніе государственной идеи, пользуется въ Японіи чрезвычайной популярностью. Призывъ молодого японца въ солдаты справляется въ его семьѣ, какъ праздникъ. Отличія, пріобрѣтенныя на войнѣ, считаются лучшей рекомендаціей и въ гражданской жизни. Въ память павшихъ въ бою воздвигаютъ храмы и два раза въ году вся нація облекается въ трауръ. Семьямъ убитыхъ, даже много лѣтъ послѣ печальнаго событія, оказываются особыя почести...

Въ какой мѣрѣ японцы отождествляютъ свои личные интересы съ интересами отечества, показываетъ слѣдующій фактъ: когда, въ 1895 г., вмѣшательство европейскихъ державъ заставило Японію отказаться отъ главныхъ плодовъ ея побѣды надъ Китаемъ, сорокъ три японскихъ офицера лишили себя жизни, заявивъ, что они не въ силахъ вынести униженія своего отечества.

По словамъ всѣхъ знатоковъ Японіи, патріотизмъ есть единственная истинная религія японцевъ. Германскій военный агентъ при японской арміи подполковникъ Гетчъ говоритъ, что японецъ смотритъ на смерть въ бою, какъ на счастье. Его мечта попасть въ число тѣхъ героевъ, имена которыхъ записаны въ храмѣ «Шохонша».

Весною этого года въ Токіо состоялось грандіозное торжество—«поминовеніе душъ павшихъ въ Маньчжуріи воиновъ». Это торжество началось краткой религіозной церемоніей, а затѣмъ, въ продолженіи четырехъ дней, съѣхавшіеся со всей Японіи родственники убитыхъ шумно пировали, выражая свою радость по поводу того, что членамъ ихъ семействъ удалось пожертвовать своею жизнью за отечество. По этому же случаю

былъ обнародованъ императорскій указъ, которымъ 566 офицеровъ, убитыхъ въ сраженіяхъ у Шахэ и подъ Мукденомъ, были произведены въ слѣдующіе чины и награждены орденами.

Какъ мало похожи эти суровые нравы на трусливый эгоизмъ европейскаго общества! Какъ много въ нихъ чисто античнаго величія!

Совсѣмъ другая обстановка существуетъ въ Россіи: въ народной школѣ, съ университетской кафедры, въ литературѣ проводятся взгляды, что патріотизмъ—понятіе отжившее, война—преступленіе и анахронизмъ, боевые подвиги не заслуживаютъ никакого уваженія, армія—главный тормазъ прогресса, военная спеціальность—позорное ремесло и т. п.

Даже грозныя событія войны, обнаружившія передъ всѣмъ свѣтомъ нашу военную неподготовленность, не возвратили здраваго смысла нѣкоторымъ россійскимъ интеллигентамъ.

Во время короткаго антракта между Сандепу и Мукденомъ состоялось въ Москвѣ собраніе педагогическаго общества, которое пришло къ заключенію, «что современное военное положеніе не соотвѣтствуетъ проповѣдямъ христіанской любви и мира. Педагогъ обязанъ говорить о войнѣ съ дѣтьми,

открыто указывать ея настоящую цѣну и и значенiе и противодѣйствовать развращающему влiянiю кровавыхъ картинъ и развитiю въ дѣтяхъ грубыхъ инстинктовъ милитаризма».

Около этого же времени «Женскiй Вѣстникъ», выясняя программу перваго съѣзда русскихъ женщинъ, самымъ широкимъ вопросомъ въ ней призналъ роль женщины въ проведенiи принциповъ мира, для чего, при воспитанiи дѣтей, слѣдуетъ внушать имъ отвращенiе къ войнѣ.

Такимъ образомъ, въ то время, какъ всѣ государства, не исключая самыхъ демократическихъ, въ интересахъ нацiональной обороны стараются воспитать народъ въ военномъ духѣ, наша передовая интеллигенцiя озабочена обратнымъ и нисколько не стѣсняется открыто заявлять объ этомъ даже во время неудачной войны.

Въ послѣднiе годы наше правительство, созвавъ Гаагскую конференцiю, само стало во главѣ анти-военнаго движенiя. Громкiя фразы правительственнаго сообщенiя не смогли, конечно, устранить войны изъ вселенной, но онѣ дали право всѣмъ многочисленнымъ врагамъ существующаго государственнаго и общественнаго строя, прикрываясь авторитетомъ правительственной власти, приняться за рас-

шатываніе устоевъ арміи. На публичныхъ лекціяхъ, въ популярныхъ брошюрахъ открыто провозглашалось, что война отжила свое время, что современная цивилизація сорвала съ нея ея блестящую обманчивую маску, подъ которой оказались лишь преступленіе и невѣжество, что прославленные герои ея совершенно развѣнчаны и т. п.

Замѣчательно, что, взявъ подъ свое покровительство (во имя Гаагской конференціи) эти идеи, въ корнѣ подрывавшія военный духъ народа и арміи, наша цензура не разрѣшала даже возражать противъ нихъ. Мало того, когда я захотѣлъ издать переводъ брошюры германскаго профессора Штейнгеля, доказывавшей невозможность разоруженія, то и это мнѣ было запрещено! Если въ Россіи считаютъ уже устарѣвшими слова Петра Великаго — «отъ презрѣнія къ войнѣ общая погибель слѣдовать будетъ», то пусть, по крайней мѣрѣ, выслушаютъ современнаго представителя самаго передоваго государства, президента Рузвельта, который сказалъ: «нація, боящаяся войны, разлагается на мѣстѣ; она осуждена на паденіе и рабство».

При такихъ-то условіяхъ неожиданно грянула война съ Японіей, и появился сразу спросъ

на мужественнаго солдата, на самоотверженнаго офицера, на тѣ военныя доблести, которыя только что оплевывались, на военное искусство, существованіе котораго отвергалось!!!

Начиная войну японскій народъ во всемъ своемъ составѣ, отъ перваго министра до послѣдняго рабочаго, ясно сознавалъ ея цѣль и значеніе.

Въ «Вѣстн. маньчжурской арміи» Н. В. Машкевичъ разсказываетъ, что когда въ концѣ октября 1903 года, послѣ трехлѣтняго пребыванія въ Японіи, онъ зашелъ съ прощальнымъ визитомъ къ графу Окума, главѣ враждебной Россіи партіи «Тайро-доши-кай», то послѣдній, въ откровенномъ разговорѣ, сказалъ ему слѣдующее: «Мы должны воевать съ Россіей изъ-за принципа. Намъ необходимо перебраться на материкъ. Вы сами видѣли, проѣзжая черезъ Японію, что наши земледѣльцы сѣютъ хлѣбъ на скалахъ. У насъ нѣтъ земли, гдѣ мы могли бы работать. Намъ необходимо бороться не на жизнь, а на смерть, чтобы обезпечить кусокъ хлѣба нашимъ дѣтямъ и внукамъ».

Почти то же самое высказалъ Машкевичу и представитель сторонниковъ Россіи г. Озаки.

Кромѣ указанной матеріальной причины, Японію, послѣ занятія русскими войсками Портъ-Артура, побуждало къ войнѣ и чувство глубоко оскорбленнаго національнаго самолюбія.

Японцы нисколько не скрывали своего намѣренія вступить въ рѣшительную борьбу съ Россіей; эта идея систематически проводилась въ народныя массы, какъ школой, такъ и прессой. Когда давно желанная война, наконецъ, началась, то необычайное воодушевленіе охватило всю націю.

Совсѣмъ другое настроеніе господствовало въ Россіи. Русское общество съ самаго начала, и притомъ совершенно справедливо, отнеслось враждебно къ дальне-восточной авантюрѣ. Большинство нашихъ государственныхъ дѣятелей также не сочувствовало этому предпріятію. Однако, ловкой германской политикѣ все-таки удалось втолкнуть Россію на Квантунъ и, запутавъ ее тамъ, отвлечь отъ дѣйствительныхъ интересовъ на Западѣ и Ближнемъ Востокѣ.

Въ 1900 году, представляя оффиціальный очеркъ столѣтія военнаго министерства, генералъ Куропаткинъ подалъ записку, въ которой указывалъ на опасности нашего политическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ. По

мнѣнію Куропаткина, Россія, за истекшее столѣтіе, такъ быстро расширялась, что не успѣвала закрѣплять за собою завоеванное; въ виду этого задача нашего поколѣнія заключается не въ новыхъ пріобрѣтеніяхъ, а въ прочномъ утвержденіи существующихъ границъ.

Въ ноябрѣ 1903 года Куропаткинъ опять подалъ записку, въ которой совѣтовалъ продать китайцамъ за 250 милліоновъ рублей южную вѣтвь китайской желѣзной дороги, возвратить имъ Портъ-Артуръ, Дальній и южную Манчжурію до Сунгари, а, взамѣнъ этого, выговорить себѣ права на сѣверную Манчжурію съ желѣзной дорогой черезъ Харбинъ на Владивостокъ. Съ этимъ планомъ согласились, но потомъ внезапно одержало верхъ постороннее вліяніе, результатомъ чего была совершенно неожиданная для нашего правительства война. Хотя бы теперь правительство сознало свою ошибку и обратилось къ содѣйствію общества! Ничуть не бывало, оно продолжало хранить молчаніе, какъ будто бы мнѣніе народа не имѣетъ для него никакой цѣны.

Итакъ, японская армія выступила на войну, ясно сознавая, что ей предстоитъ бороться за самые жизненные интересы своей родины, за всю ея будущность. Наоборотъ, русская армія

начала войну съ полнымъ сознаніемъ безцѣльности и даже вреда послѣдней.

Во время дальнѣйшаго хода военныхъ дѣйствій горячее сочуствіе народа неизмѣнно сопровождало японскую армію. Каждый успѣхъ ея вызывалъ взрывъ восторга, каждая ничтожная неудача (въ родѣ Путиловской сопки и отбитыхъ штурмовъ Портъ-Артура) острой болью отзывалась во всей странѣ. У народа и арміи были одинаковыя чувства, билось одно сердце...

Совсѣмъ въ другомъ положеніи оказалась русская армія.

Темная народная масса интересовалась непонятной войной лишь постольку, поскольку она вліяла на ея семейные и хозяйственные интересы. Самыя извѣстія съ далекаго театра войны проникали въ широкіе народные круги лишь въ видѣ неясныхъ слуховъ.

Большинство образованнаго общества относилось къ войнѣ совершенно индиферентно; оно спокойно занималось своими обычными дѣлами; въ тяжелые дни Ляояна, Шахэ, Мукдена и Цусимы театры, рестораны и разныя увеселительныя заведенія были такъ же полны, какъ всегда.

Что касается такъ называемой «передовой интеллигенціи», то она смотрѣла на войну, какъ на время, удобное для достиженія своей цѣли. Эта цѣль состояла въ томъ, чтобы сломить существующій режимъ и взамѣнъ его создать свободное государство. Такъ какъ достигнуть этого при побѣдоносной войнѣ было очевидно труднѣе, чѣмъ во время войны неудачной, то наши радикалы не только желали пораженій, но и старались ихъ вызвать. Съ этою цѣлью велась пропаганда между запасными, войска засыпались прокламаціями, устраивались стачки на военныхъ заводахъ и желѣзныхъ дорогахъ, организовывались всевозможные бунты и аграрные безпорядки. Пораженіямъ арміи открыто радовались.

Весь міръ удивлялся такому уродливому явленію. Съ точки зрѣнія политически развитыхъ націй, всякій разговоръ о перемѣнѣ режима долженъ былъ смолкнуть передъ внѣшнимъ врагомъ; уважающій себя народъ завоевываетъ себѣ свободу самъ, а не при помощи иноземцевъ. Однако, поведеніе русской интеллигенціи находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ исторіи Россіи. Въ продолженіи нѣскольких вѣковъ наше общество было устранено отъ всякаго участія въ

правительственныхъ дѣлахъ и вслѣдствіе этого поневолѣ утратило ясное сознаніе государственности.

Въ то время, какъ въ теченіе всей войны японская литература въ поэзіи, прозѣ и пѣснѣ старалась поднять духъ своей арміи, модные русскіе писатели также подарили намъ два произведенія, относительно которыхъ критика нашла, что они появились какъ разъ своевременно, это были: «Красный смѣхъ» Андреева, стремящійся внушить нашему и безъ того малодушному обществу еще большій ужасъ къ войнѣ, и «Поединокъ» Куприна, представляющій злобный пасквиль на офицерское сословіе. Кромѣ того, во время войны вся радикальная пресса была полна нападками на армію и офицеровъ. Дѣло дошло до того, что въ газетѣ «Наша Жизнь» нѣкій г. Новиковъ высказалъ, что студенты, провожавшіе уходившіе на войну полки, этимъ поступкомъ замарали свой мундиръ.

Въ той же газетѣ мы прочли, что въ Самарѣ какой-то священникъ отказался пріобщить привезеннаго изъ Манчжуріи умиравшаго отъ ранъ солдата по той причинѣ, что на войнѣ онъ убивалъ людей. Какой ужасъ долженъ былъ пережить этотъ несчастный вѣрующій

солдатъ, отдавшій свою жизнь родинѣ и вмѣсто благодарности, въ минуту смерти, выслушавшій отъ духовнаго пастыря лишь слово осужденія! Какое впечатлѣніе долженъ былъ этотъ фактъ произвести на его товарищей!

Само собой понятно, въ какой мѣрѣ такое отношеніе общества вліяло на армію.

Для примѣра я приведу выдержку изъ письма одного фейерверкера, командированнаго отъ артиллеріи 3-го сибирскаго корпуса въ Москву. Вотъ что писалъ изъ бывшаго «сердца Россіи» этотъ развитой и честный солдатъ:

«Я жалѣю, что поѣхалъ сюда, я теперь такъ же злостно настроенъ ко всему окружающему, да оно и понятно: я хотя не пострадалъ физически, но уже второй годъ страдаю матеріально, терпитъ и моя семья и я въ правѣ разсчитывать на сочувствіе и уваженіе, но, къ нашему горю, В. Ф., этого мы здѣсь не найдемъ... Бѣдные тѣ наши братья - товарищи, которые свою жизнь положили за честь родины—ихъ она не помянетъ, даже не признаетъ, только гдѣ-либо въ глуши деревенской, да въ закоулкѣ города молится и плачетъ мать, потерявшая сына, жена и дѣти хозяина, отца и кормильца, а родина кричитъ: къ чорту войну, война

глупая, война безцѣльная, война безпричинная, къ чорту армію, армія глупая, дурацкая, никуда негодная. Это, значитъ, глупцы и дураки и тѣ, крестики которыхъ одиноко разсѣяны по сопкамъ и долинамъ Манчжуріи! Въ унисонъ имъ хочется кричать: къ чорту такая родина, къ чорту вы съ вашей гадостью, безволіемъ тлѣнью и вонью; хочется бѣжать подальше отъ этой родины»...

Вотъ еще отрывокъ изъ статьи одного боевого офицера, помѣщенной въ «Русскомъ Инвалидѣ».

«Шестнадцать мѣсяцевъ тревогъ, волненій, страшныхъ лишеній, безконечно ужасныхъ, потрясающихъ картинъ войны, способныхъ свести человѣка съ ума; рядъ военныхъ неудачъ; щемящее чувство боли отъ незаслуженныхъ обидъ, оскорбленій, потоковъ грязи, вылитыхъ частью прессы на нашу армію, безропотно погибавшую на поляхъ Манчжуріи; оскорбленіе раненыхъ офицеровъ на улицахъ Петербурга толпою; презрительное снисхожденіе, нашей интеллигенціи къ жалкимъ потерпѣвшимъ по своей же глупости, вернувшимся съ войны—все это промелькнуло передо мной, оставивъ глубокій слѣдъ какой-то горечи... Вы радовались нашимъ пораже-

ніямъ, разсчитывая, что они ведутъ васъ къ освободительнымъ реформамъ. Вы систематически развращали прокламаціями нашихъ солдатъ, подрывая въ нихъ дисциплину и уваженіе къ офицерамъ». . . . .
. . . .

Итакъ, японскій народъ еще въ мирное время былъ воспитанъ въ патріотическомъ военномъ духѣ; затѣмъ самая идея войны съ Россіей пользовалась всеобщей популярностью; наконецъ, въ продолженіи военныхъ дѣйствій японская армія постоянно опиралась на сочувствіе націи. Въ Россіи какъ разъ наоборотъ: патріотизмъ былъ расшатанъ систематической пропагандой идей космополитизма и разоруженія; борьба съ Японіей представлялась русскому обществу безцѣльной и даже вредной; во время испытаній тяжелой кампаніи русская армія находила въ своей странѣ, или полное равнодушіе, или даже прямо враждебное отношеніе.

Таковы были тѣ факторы, которые легли въ основу моральной силы обѣихъ армій, отъ коей, по словамъ Наполеона I, зависитъ три четверти успѣха на войнѣ.

Неудачное оправданіе.

Въ № 55 «Военнаго Голоса» (10 марта) помѣщена статья г. В. Новицкаго «Тенденціозныя обвиненія», въ которой онъ упрекаетъ меня за пристрастное, будто бы, отношеніе къ академіи генеральнаго штаба.

Однако, внимательно прочитавъ эту статью, я прежде всего убѣдился въ томъ, что критикъ по существу со мной совершенно согласенъ, ибо признаетъ, что «наша академія генеральнаго штаба какъ по системѣ своего обученія, такъ и по внутреннему своему быту, устарѣла и не отвѣчаетъ потребностямъ времени», что «безсистемность академическаго преподаванія не подлежитъ сомнѣнію», что въ академіи «много схоластики и метафизики».

Затѣмъ, всѣ замѣчанія г. Новицкаго касаются лишь частностей дѣла.

Постараюсь дать на нихъ краткій отвѣтъ:

1) Г. Новицкій говоритъ, что нѣкоторыя мѣста моей статьи производятъ на него впечатлѣніе «будто» я борюсь не съ системой, а съ лицами, руководящими дѣломъ въ ака-

деміи. Не понимаю, при чемъ тутъ впечатлѣніе, когда въ моей статьѣ открыто и прямо сказано, что реформа академіи должна начаться съ удаленія доброй половины теперешнихъ профессоровъ, при коихъ никакая самая идеальная «система» не поможетъ.

2) По вопросу о преподаваніи русскаго военнаго искусства могу сказать, что я окончилъ академію не такъ еще давно (въ 1889 году), а между тѣмъ этого предмета мы совсѣмъ не проходили. Затѣмъ, какъ видно изъ имѣющагося у меня оффиціальнаго документа, только съ 1894 года въ академіи начали понемногу вводить въ курсъ различные отдѣлы этой науки, но и по сіе время еще не возвысились до Отечественной войны (?!), которая остается лишь въ проектѣ.

3) Относительно статистики я думаю, что въ академіи слѣдуетъ изучать всѣ вѣроятные театры дѣйствій, а не какіе-то излюбленные. Времени на это должно хватить, если только будутъ заниматься сущностью дѣла, а не деталями.

Между тѣмъ, у насъ нѣкоторыхъ театровъ (напримѣръ, Манчжуріи) совсѣмъ не изучали, а относительно другихъ доходили до курьезныхъ подробностей. Г. Новицкому

должно быть извѣстно, что въ западной пограничной полосѣ чуть-ли не каждая рѣченка, каждая лѣсная дача разсматриваются, какъ оборонительная линія. Мнѣ приходилось неоднократно лично убѣждаться въ томъ, что многія изъ этихъ оборонительныхъ линій не представляютъ никакого препятствія для дѣйствій войскъ; между ними есть даже рѣчки, которыя, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ, почти совершенно пересохли.

Безцѣльное зазубриваніе названій сотенъ рѣкъ, да еще со всѣми переправами и бродами, ведетъ не только къ напрасному обремененію памяти учащихся, но и приноситъ огромный воспитательный вредъ. Наши офицеры генеральнаго штаба еще на школьной скамьѣ пріучаются считать каждую ничтожную мѣстную преграду за оборонительную линію.

Не этимъ ли, отчасти, объясняется грустный фактъ, что въ послѣднюю войну вмѣсто того, чтобы видѣть залогъ успѣха въ маневрѣ и ударѣ, мы все время искали въ Манчжуріи какія-то жалкія оборонительныя линіи!

Что касается разныхъ цифровыхъ подробностей, которыми переполнены курсы статистики и администраціи, то огромному боль-

шинству ихъ мѣсто совсѣмъ не въ учебникахъ, а въ справочныхъ изданіяхъ.

4) Въ «Сборникѣ новѣйшихъ свѣдѣній о вооруженныхъ силахъ иностранныхъ государствъ» за 1903 и 1904 годы, дѣйствительно, сказано, что численность японской арміи въ военное время составляетъ около 350 тыс. человѣкъ. Однако, общая численность и тѣ силы, которыя государство можетъ выставить на извѣстномъ театрѣ войны, далеко не одно и то же.

Въ оффиціальныхъ сферахъ полагали, что дессантная операція столь большими силами совершенно невозможна, что японцамъ придется много войскъ оставить для обезпеченія своего тыла (въ Японіи, Кореѣ и южной Манчжуріи), что для арміи указанной выше численности въ Японіи не хватитъ офицеровъ и т. п. Въ виду всего этого разсчитывали, что японцы ни въ коемъ случаѣ не будутъ въ состояніи выставить въ Манчжуріи болѣе 150 тысячъ человѣкъ. Это мнѣніе высказали мнѣ совсѣмъ не какіе-то «случайные» люди, а лицо, стоявшее во главѣ дѣла.

Затѣмъ г. Новицкій говоритъ, что «въ минувшую кампанію мы никогда не страдали

отъ недостатка свѣдѣній о противникѣ». Такое утвержденіе является для меня, пробывшаго на войнѣ отъ самаго начала до конца и участвовавшаго во всѣхъ сраженіяхъ отъ Вафангоу до Мукдена, просто изумительнымъ!!

Вообще г. Новицкій взялъ на себя совершенно невыполнимую задачу: защищать нашу военную «освѣдомленность».

5) Въ отвѣтъ на мой упрекъ, что въ теченіе цѣлой четверти вѣка академія не сумѣла воспользоваться опытомъ нашей последней турецкой войны, г. Новицкій возражаетъ, что въ этомъ, собственно говоря, виновата военно-историческая комиссія, которая до сихъ поръ еще не окончила исторіи этой войны.

Мнѣ лучше всякаго другого извѣстна неудовлетворительная организація работъ указанной комиссіи, однако, въ этомъ безспорномъ фактѣ я не вижу никакого оправданія для академіи. Какъ будто бы роль академическихъ профессоровъ заключается лишь въ томъ, чтобы, вооружившись ножницами, вырѣзывать куски изъ готовыхъ уже сочиненій!! Я смотрю на академію гораздо шире. На мой взглядъ, она является не только высшей

школой, но и ученымъ учрежденіемъ, которое обязано само двигать впередъ военную науку и служить проводникомъ новыхъ идей въ войска.

6) Г. Новицкій говоритъ: «для толковаго и своевременнаго изученія Русско-Турецкой войны нужно было кое-что болѣе существенное, чѣмъ доброе желаніе профессоровъ».

Дѣйствительно, нужно было гражданское мужество. Вѣдь не побоялся же я, десять лѣтъ тому назадъ, при суровомъ режимѣ Ванновскаго, выступить на кафедрѣ и въ печати съ рѣзкой критикой (насколько правильной — это другой вопросъ) нашихъ дѣйствій на Дунайскомъ театрѣ. Почему же господа профессора не послѣдовали моему примѣру, а наоборотъ воспользовались этимъ случаемъ совершенно иначе?! Почему въ то время они разбирали, позорныя съ точки зрѣнія военнаго искусства, событія этой войны не иначе, какъ въ духѣ: «Громъ побѣды, раздавайся, веселися, храбрый Россъ»?!

7) Относительно упрека въ сгущеніи красокъ я долженъ сказать, что это вопросъ субъективный: г. Новицкій находитъ, что для академіи довольно и темно-сѣраго цвѣта,

а я полагаю, что для этого въ природѣ не существуетъ красокъ достаточно черныхъ.

8) Наконецъ, что касается «голословности» нѣкоторыхъ моихъ обвиненій, то г. Новицкому, долго бывшему сотрудникомъ «Руси», должно быть хорошо извѣстно, что фельетонъ большой политической газеты нельзя загромождать цитатами и ссылками на источники. Подобныхъ статей никто не станетъ читать. Однако, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы фельетонъ, лишенный этихъ аксессуаровъ, былъ неосновательнымъ.

Кромѣ того, я имѣю смѣлость думать, что такъ какъ вся моя литературная и лекторская дѣятельность шла и продолжаетъ идти въ прямой ущербъ моей личной карьерѣ, то большинство офицеровъ русской арміи повѣритъ мнѣ и безъ ссылокъ на страницы.

Заканчивая этимъ мой отвѣтъ, не могу не выразить крайняго удивленія по поводу того, что г. Новицкій, будучи по существу совершенно со мною согласенъ, тѣмъ не менѣе пытается, путемъ разныхъ пространныхъ софизмовъ, ослабить общее впечатлѣніе моей статьи.

Какъ мнѣ приходилось слышать со всѣхъ сторонъ, «теперешняя» академія уже безпо-

воротно осуждена общественнымъ мнѣніемъ всей арміи и всѣми лучшими офицерами нашего генеральнаго штаба, способными отрѣшиться отъ узко-корпоративной точки зрѣнія. При такихъ условіяхъ выступать въ печати добровольнымъ адвокатомъ заведенія, одурманивающаго и обезличивающаго своихъ учениковъ, есть предпріятіе, по меньшей мѣрѣ, безнадежное.

